В тихом
ОМУТЕ
ЕКАТЕРИНА РИЗ

Екатерина Риз
В тихом омуте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42757139
ISBN 9785449694119

Аннотация

Тихий, маленький городок, в котором жизнь течет неспешно и незаметно, по крайней мере, на первый взгляд. За степенным укладом жизни неугасающие людские сплетни, тайны, сотканные из чужих пороков, и легенды о семейных сокровищах, хранимых в сундуках сумасшедшей старухи. И что же будет, когда хранительница семейных тайн и достояний отойдёт в мир иной? Кто окажется наследником и станет претендовать на накопленные богатства? Ведь на наследство претендует самый настоящий Черт.

Содержание

ГЛАВА 1 5
ГЛАВА 2 41
ГЛАВА 3 81
ГЛАВА 4 114
Конец ознакомительного фрагмента. 139

В тихом омуте

Екатерина Риз

© Екатерина Риз, 2019

ISBN 978-5-4496-9411-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА 1

Старинный провинциальный городок. Совсем маленький, больше похожий на большую деревню. С неспешным укладом жизни, узкими улочками с деревенскими домами, двухэтажными, звавшиеся некогда особняками. В позапрошлом веке, на фоне экономического роста городка, на центральных улочках селились сплошь купцы да зажиточные торговцы. И всеми силами щеголяли друг перед другом своим достатком. Отсюда на некоторых домах лепнина, а на крышах бронзовые петухи и указатели. Правда, от прежней роскоши оставалось всё меньше напоминаний, маленький город затих на целое столетие, прежде чем интерес к нему вновь стал просыпаться. Но теперь интересовались совсем с другой целью, исключительно с туристической. Туристы приезжали походить по старым улочкам, посмотреть на эти самые дома, на памятники древнего зодчества, на золотые купола соборов и монастырей, которых в округе собралось множество, и попытаться представить – а как было раньше? И чтобы облегчить им задачу, на улицах, у избранных для этой цели домов, музеев и на главной площади были расставлены стенды с описаниями, пояснениями и фотографиями. В последние годы позабытый городок в центре Золотого кольца начал воскресать, появились новые люди, которые всеми силами старались восстановить ушедшую славу, занимались ре-

монтом и реставрацией домов и памятников архитектуры, но, конечно, не забывали строить гостиницы и отели, всё для привлечения туристов, в том числе и иностранных.

Иностранцев в городке с каждым годом случалось всё больше и больше. И, слыша иностранную речь, удивления в душе от услышанного рождалось всё меньше. А мэр их чудесного городка даже как-то обратился с призывом к горожанам, проявлять к чужестранным гостям повышенную заботу и чуткость. Словно от этого зависело благополучие каждого жителя города, даже того, кто к туристическому бизнесу никакого отношения не имел. Но, надо сказать, что таких людей в городе становилось всё меньше. Выходя порой на улицу, отправляясь в центр города, казалось, что все знакомые, соседи, друзья занимаются народными промыслами. Что-то шили, вязали, варили медовуху или варенье, коптили рыбу, а то и вовсе солили огурцы, любимый местный овощ. Делали рассолы на меду, на горчице, на хрене, а потом несли всё это, чтобы угостить понаехавших отовсюду гостей. Правда, не просто взять и угостить, всеобщее гостеприимство превратилось в доходный бизнес. Более удачливые и поворотливые открыли гостиницы, частные дома отдыха, и отбоя от желающих посетить их уютные заведения, не было, даже зимой. Гостей встречали хлебосольно, со счастливыми улыбками, и провожали, надеясь, что они вернутся к ним ещё не раз.

Многие так и поступали, приезжали раз за разом, полюбоваться на великолепные красоты центральной полосы Рос-

сии. На леса, поля, усыпанные разноцветьем, посидеть на берегу реки и очиститься душой в святых местах, под стенами старинных монастырей. О том, что на святой земле успело обосноваться несколько фешенебельных отелей, с их минеральными бассейнами и дорогущей спа-программой, думать многим не нравилось. Выходя из дома и глядя на купола церквей, вдыхая чистейший воздух и прислушиваясь к пению птиц, а не к шуму машин на дорогах, хотелось представлять себе полную гармонию жизни, а не думать снова о бизнесе и деньгах.

Все эти мысли были сродни медитации. Юля начинала так практически каждое своё утро. Последние два года, со дня замужества, с того дня, как переехала с мужем в дом его родителей в этом чудесном городке. Ей нравилось встать пораньше, выйти в сад и просто смотреть вдаль. Потому что такой красоты, что просматривалась с пригорка над рекой, на котором был построен их дом, она никогда прежде не видела. Из их сада открывался чудесный вид на реку, на берёзовую рощу за ней, а стоило повернуть голову, можно было увидеть череду колоколен и куполов древнего Кремля и окруживших его архитектурных памятников. Дважды в день слух услаждал колокольный звон, и хотелось раствориться в душевном блаженстве. Юля, выросшая в городе, в принципе не знавшая, что такое деревня и сельский образ жизни, неожиданно влюбилась в этот маленький городок. И хотя помнила все предостережения родителей и дру-

зей, нисколько не пожалела о том, что решила оставить работу в престижном банке, и переехать жить, по сути, в деревню. Она наслаждалась каждым таким утром под колокольный звон, каждой прогулкой до центральной площади, и кого-кого, а Юлю Тетерину не нужно было просить о том, чтобы улыбнуться человеку – будь то местный житель или турист. Она улыбалась всегда и всем, от всей души и совершенно искренне.

– Доброе утро.

Юля обернулась на мужской голос за своей спиной, подняла глаза к балкону второго этажа, и увидела заселившегося вчера вечером постояльца. Интеллигентного вида мужчина лет пятидесяти, худощавый, в очках в тонкой оправе на носу. Юля ещё вчера обратила внимание на то, что мужчина очень вежлив и воспитан, с его языка без конца слетали слова «благодарю» и «будьте добры». Москвич заселился с миловидной брюнеткой, которой на вид было не больше тридцати, но она явно не являлась его супругой. Пара поселилась в одной комнате, и Юле не пришло в голову что-то спрашивать или на что-то намекать. У них гостевой дом, в котором не задают лишних вопросов. Они лишь встречают и провожают постояльцев с хлебом и солью.

Кстати, про хлеб и соль совсем не шутка. Это недавняя гениальная идея, посетившая свекра Юли: встречать приезжающих караваем, а в дорогу при отъезде давать свёрток с ещё тёплыми пирожками. Всё ради рекламы, всё ради де-

нег. Но спорить с ним никто не стал, просто потому, что переспорить Николая Васильевича казалось невозможным и непостижимым. Поэтому с ним никто и не спорил. Даже жена и дети. А молодой невестке и вовсе не престало.

– Доброе утро, – отозвалась Юля с улыбкой. – Как вам спалось?

– Спасибо, замечательно. Здесь необыкновенная тишина.

– Это правда. Но вскоре колокола начнут бить. Это очень красиво.

– Жду не дождусь.

Юля ещё раз улыбнулась мужчине, после чего напомнила:

– Завтрак в девять в столовой. Приходите, пожалуйста.

Мужчина кивнул и присел в плетёное кресло на балконе, смотрел вдаль, а Юля поспешила в дом. Ей перво-наперво надлежало приготовиться к подаче завтрака. Свекровь вчера уехала в город, навестить младшую дочь и её мужа, и все обязанности по дому сегодня лягут на плечи Юли. Но ничего особо страшного Юля в этом не видела, к тому же, постояльцев всего трое, лишь после обеда приедет семья с ребёнком, и с ужином управиться будет сложнее. Нужно быть к этому готовой. Потому что от мужчин в этом доме, в плане обслуживания гостей, помощи немного. Николай Васильевич занимался больше насущными проблемами, ремонтом, починкой и генерировал новые идеи для развития бизнеса, а Сеня, муж Юли, семейным бизнесом не особо интересовался, хотя родители всеми силами его к процессу привлека-

ли. Предполагалось, что вскоре в их распоряжении окажется ещё один дом, в самом центре городка, в котором можно будет открыть полноценную гостиницу, не домашнего типа, и управление на себя возьмёт Арсений. По крайней мере, Николай Васильевич планировал именно так, и не принимал во внимание вялые отбрыкивания сына от отцовских затей. Родители считали Сеню молодым и неопытным, но верили, что в один прекрасный день любимый сынок повзрослеет, и возьмёт на себя весь бизнес вместе с ответственностью. Юля, кстати, тоже в это верила, и даже говорила свекрови раз за разом, что видит, видит в муже изменения и проявляемый интерес.

Дом, в котором проживала семья Тетериных был меньше, чем отстроенный гостевой дом, в подвальном помещении которого была оборудована настоящая сауна с небольшим бассейном. Гостевой дом был двухэтажным, с шестью просторными комнатами для гостей, с гостиной и небольшой, но уютной столовой на первом этаже. Из гостиной через стеклянные двери можно было выйти в сад и по тропинке спуститься прямо на живописный берег местной речки. Дом, в котором жила семья, был куда скромнее, переделан из некогда стоящего на участке деревенского сруба. Три небольших спальни, гостиная и большая кухня. Украшением служила веранда, огибающая весь дом, резная и увитая плющом. Поблизости несколько построек хозяйственного назначения, включая вместительный курятник и загон для милых

козочек и овечек. Вся живность обязательно должна была быть чистой и милой, вызывать у гостей, в большинстве своём городских жителей, чувство умиления. Поэтому ухаживали за козами и овцами со всей тщательностью, для этого был нанят специальный человек, а, точнее, местная жительница Люба, женщина среднего возраста и неясного образования. Она занималась черновой работой в доме, ухаживала за животными и помогала с уборкой.

По дороге к дому, Юля заглянула в курятник, похвалила кур за дисциплинированность и щедрость, и забрала из гнёзд несколько свежих яиц.

– Юль, ты где ходишь? Тесто из кастрюли на стол лезет.

Голос свекра всегда звучал недовольно, Юля успела к этому привыкнуть. Улыбнулась, показала свою добычу, что несла в руках. И бодро отрапортовала:

– Утренний обход территории, Николай Васильевич. Докладываю, что всё в порядке.

– У тебя всегда всё в порядке, – вздохнул свёкор, присел за кухонный стол. А Юля кинула на него оценивающий взгляд. Николай Васильевич был человеком не старым, даже шестидесятилетие своё ещё не отметил. Мужчина невысокий, но крепкого телосложения, с сильными руками и цепким, порой неприятным взглядом. Юле всегда казалось, что силы в этом человеке с избытком, и характер он имел несгибаемый, но в последнее время Николай Васильевич всё больше вздыхал и о чём-то невесело задумывался. Вот и све-

кровь, Алевтина Ивановна, вдруг обеспокоилась здоровьем мужа, и даже в больницу его на обследование недавно пыталась отправить. Но убедить Николая Васильевича в чём-то, чего он делать не желает, невозможно, и поэтому все тревоги жены он проигнорировал, и продолжил вздыхать. Он вздыхал, а домочадцы за ним украдкой наблюдали, не зная, чего ожидать в дальнейшем.

Юля налила для свёкра чай в его любимый огромный бокал в виде бочонка, поставила перед ним, а сама занялась тестом. Как-то так вышло после её замужества, что она не на шутку увлеклась готовкой. Раньше особой любви к кухне не испытывала, но, возможно, потому, что в их доме у плиты царила мама. Особой кулинаркой Светлана Александровна не слыла, но о пропитании семьи всегда заботилась исправно. И необходимости готовить у Юли не возникало, вплоть до самого замужества. А в доме родителей мужа, оказавшись поставленной перед фактом, что нужно помогать всем, чем можешь, хоть как-то участвовать в семейном бизнесе и вместе преодолевать различные трудности, раз это всё на общее благо семьи, Юля как-то ненароком нашла своё призвание. Оказалось, что готовка – это весьма увлекательное занятие. И именно после замужества она по-настоящему научилась жарить котлеты, варить щи и борщи, да ещё и печь пироги. Гостевой дом без постояльцев почти никогда не стоял, заезжих, частенько столичных гостей, надлежало кормить, желательно вкусно и сытно, и Юле пришлось поста-

раться и многому научиться. Особенно, в первое время, оно оказалось самым трудным для неё. Мало того, что с её личной жизнью произошли серьёзные изменения, у неё появился муж, так выяснилось, что Сеня с родителями – это одно целое. И Юля не просто вышла замуж, а пришла в чужую семью, и приспосабливаться и привыкать к непонятным порой для неё правилам и устоям, надлежало ей, как жене. Научиться молчать, находить компромиссы, определить для себя место в семейном бизнесе и помогать, помогать. Поначалу испугалась, вспомнила все предостережения семьи и друзей перед замужеством, но затем огляделась, успокоилась, ей понравилось общаться с приезжающими людьми, понравилось готовить, и жизнь наладилась. По крайней мере, она не уставала себя в этом убеждать. Каждый раз, как становилось не по себе или случались какие-то размолвки между ней и мужем.

Конечно, без ссор не обходились. Они с Сеней были молодой семьёй, иногда даже самой Юле казалось, что непросто молодой, а в некоторых вопросах совершенно не зрелой. И, наверное, её личное понимание этого факта, помогало ей смиряться с некоторыми ситуациями, идти на компромисс и прощать мужу ошибки. Только после замужества, когда голова перестала кружиться от счастья и влюблённости, и у Юли, волей-неволей, появилась возможность сесть и подумать, она осознала, что они с Сеней, возможно, поторопились. Не стоило им жениться так скоро, так поспешно,

окрылёнными чувством влюблённости, которое в какой-то момент попросту ослепило обоих. И, надо сказать, что родители, и с её, и с его стороны, непрозрачно молодым людям на это намекали. Но кто в такой момент слушает родителей? Молодым, влюблённым людям кажется, что никто и никогда до них подобного не переживал, так сильно и самозабвенно не любил. И поэтому они, и только они знают, что поступают правильно. Любят друг друга и готовы прожить вместе всю оставшуюся жизнь, потому что не представляют, как по-другому. Вот так у Юли с мужем и получилось. Их роман развивался бурно и стремительно. Арсений красиво ухаживал, дарил цветы и осыпал Юлю комплиментами. А та, в свою очередь, совершенно потеряла голову, на самом деле влюбившись с такой силой, будто в юности, совершенно позабыв о разуме и всякой рассудительности. Через три месяца после знакомства Арсений сделал предложение, словно дорогого вина на огонь, полыхающий в душе Юли плеснул, любовь вспыхнула с неистовой силой, едва не сожгла весь окружающий мир вокруг неё, а ещё через три месяца сыграли свадьбу. Шумную, красивую, под сенью огромных лип в центре маленького, старинного городка. О свадьбе Юле вспоминать нравилось. Всё было мило, красиво, уютно, но в то же время помпезно, с лошадьми и каретами. Они катались в карете по старинным улочкам городка, держались за руки, целовались, а Юля безумно нравилась сама себе в белоснежном свадебном платье. Всё происходящее напоминало сказ-

ку, которая неожиданно сбылась. И Юля готова была самой себе признаться, что всегда о такой свадьбе мечтала.

Реальность её настигла довольно скоро. Причём, настигла именно её, потому что в жизни Арсения мало что изменилось. Он продолжал жить в своём доме, рядом с родителями, его образ жизни никак не поменялся, а вот Юля оказалась в чужой семье, к правилам и привычкам которой надлежало приспособиться, и сделать это нужно было как можно быстрее. Если она хотела избежать ссор и обоюдных претензий, которые неминуемо бы возникли. Родители Арсения были достаточно строгими и требовательными людьми, их строгость разве что на любимого сына не распространялась, а к молодой невестке они сильных чувств и привязанности не испытывали, и подстраиваться под неё не собирались. Вот и пришлось это делать Юле, в какой-то момент переступив через себя и собственные желания. Например, уйти с работы, которой дорожила, планировала сделать карьеру, и даже первые шаги к этому успела совершить, совсем недавно получив пусть незначительное, но повышение. Но работа в банке забирала много времени и внимания, да и ездить в большой город пришлось бы каждый день, тратя на дорогу больше двух часов, порой задерживаться и брать отчёты домой, корпеть над цифрами до утра. До замужества Юля об этом не задумывалась, должность банковского сотрудника и то, чего она достигла за два года работы, было поводом для гордости, и вдруг стало проблемой. Пришлось выбирать, и лю-

бимый муж и семья оказались важнее. Юля осела дома, точнее, занялась семейным бизнесом, и пожаловаться на свой выбор никому не могла, она ведь сама его сделала. В первое время было тяжело, родители мужа контролировали каждый её шаг, поучали, наставляли, и было несколько моментов, когда Юле казалось, что она вот-вот не выдержит, развернётся и уйдёт, обратно в свою, такую понятную ей жизнь. Где была работа, стильный офис и большой коллектив, общение, к которому она так привыкла, её родители и друзья, вечерние посиделки с подругой и путешествия. А теперь не осталось ничего, кроме мужа и четырёх стен его, пусть и огромного, дома. Двух домов. Но, наверное, Юля на самом деле очень любила Сеню, потому что только чувства к нему помогли ей примириться с потерей независимости и твёрдой почвы под ногами. Каждый раз в момент сомнений, она смотрела на мужа, брала его за руку и приходила к выводу, что ей есть за что бороться и ради чего стараться. Сейчас, спустя два года, их жизнь вошла в своё русло, Юля привыкла к новому образу жизни, все недоразумения отступили, появились новые стремления и мечты, и Юля, как и раньше, каждое утро просыпалась с чётким планом действий в голове. Знала, что она нужна, что её труды ценят и без неё не могут обойтись. И это было приятно. Конечно, изменилось и ещё кое-что, безумная влюблённость у них с Арсением прошла, они перестали видеть лишь друг друга, оглянулись по сторонам, но в этом тоже было что-то положительное. Они взрослели, и Юле хо-

телось думать, что посетившая их некогда сильная влюблённость переросла в любовь, более спокойное, но в то же время стабильное чувство, которое поможет им с Сеней прожить вместе много-много лет, построить настоящий дом, семью, родить и воспитать детей. Это ведь самое главное – знать, что ты можешь всецело положиться на человека, с которым идёшь по жизни рука об руку. Что ты не ошибся с выбором.

Юля занималась тестом для пирогов и раздумывала обо всём этом. О своей жизни. Такие мысли порой накрывали в самый неожиданный момент. Казалось, что мир вокруг останавливался, и Юля вновь и вновь принималась раскладывать всё происходящее в её жизни по полочкам, стараясь в этом найти для себя успокоение, разложить всё в своей голове по местам и в очередной раз прийти к выводу, что она всё делает правильно. Что у неё замечательная, по своей сути, жизнь. Всё именно так, как она и хотела. Муж, семья, дом. Полная чаша. Вот и сейчас, сосредоточившись на пышном тесте, унеслась в своих мыслях далеко, и не сразу вспомнила о том, что она на кухне не одна. Что свёкор всё ещё сидит в своём кресле у окна, пьёт чай, и тоже молчит. Тоже о чём-то сосредоточенно думает. Юля обернулась на Николая Васильевича, невольно нахмурилась, приглядываясь к нему. Всё же поинтересовалась:

– Всё в порядке?

Свёкор повернул голову и посмотрел на неё, в первый момент совершенно пустым взглядом. Затем вздохнул. Вздох-

нул и вдруг признался в том, что, по всей видимости, его и беспокоило последние дни.

– Завтра нотариус приедет.

Юля, признаться, об этом совершенно позабыла. Перевела взгляд на навесной календарь на стене. Совершенно верно, завтра двадцатое число. Ровно полгода со дня смерти прабабушки Арсения, то есть, родной бабки Николая Ивановича. Клавдия Поликарповна Тетерина умерла в преклонном возрасте, девяноста восьми лет, но, несмотря на её года, смерть её вызвала у многих сильное удивление. Старушкой она была крепкой, бодрой и, надо сказать, характер имела железный, и на язык была остра. И самых близких родственников не особо жаловала, даже родную дочь, которая упорно, не обращая внимания на неуживчивый характер матери, за ней ухаживала. До самой смерти Клавдия Поликарповна проживала одна, отсылая прочь всех помощников, неизменно называя всех в глаза самозванцами и аферистами, и утверждала, что все вокруг только и ждут её смерти. По рассказам Арсения, прабабка собиралась умирать с тех самых пор, как он мог себя вспомнить. Она не плакала, не жаловалась на здоровье, не изображала приступы болезни, наоборот всегда была энергичной, сильной, со всеми житейскими и бытовыми трудностями предпочитала справляться сама, но без конца говорила о смерти, наследстве, создавая на этом интригу и сталкивая лбами родственников. Некоторые из этих родственников сами ушли в мир иной,

так и не дождавшись никакого наследства от коварной богатой старушки.

А наследовать, признаться, было что. Клавдия Поликарповна всю свою жизнь прожила в старинном особняке в центре их городка. Этот дом, двухэтажный, с лепниной и резными фронтонами, выделялся даже на фоне других особнячков девятнадцатого века, выстроившихся в ряд на центральной, самой знаменитой улице города. Казался выше, больше и загадочнее других. Приковывал взгляд, стоило лишь свернуть на эту улицу. Построил этот дом прямой предок Тетериных, отставной военный полковник Степан Тихонович Булганов в середине девятнадцатого века, и полковник этот, по рассказам Клавдии Поликарповны, приходился ей родным прадедом. В молодые года Степан Тихонович служил в столице, имел весомый военный чин и награды. А выйдя на пенсию, решил остепениться в милой сердцу и взгляду провинции, и выбрал для этого их городок, построил дом, как и положено настоящему мужчине, вот только сына у них с супругой родить не получилось, обзавелись лишь единственной дочерью, а та, выйдя замуж, и стала Тетериной. Юля не раз слышала историю семьи из уст самой прабабки мужа, та очень любила углубиться в прошлое, со всеми подробностями, немыслимыми деталями, с демонстрацией старых, пожелтевших за прошедший век, фотографий и каких-то выписок из домовых книг, также старинных и не слишком приятно пахнувших от долгого лежания в сундуке. Все свои са-

мые главные и дорогие сердцу вещи, Клавдия Поликарповна, по старой русской привычке хранила в сундуках, дубовых, тяжёлых, с коваными углами, их невозможно было сдвинуть с места в одиночку, как ни старайся. Они закрывались на навесные замки, а ключи хозяйка сокровищ неизменно носила с собой, даже спала с ними. И никто не знал, что же внутри этих сундуков. Родственники шептались об иконах, старинных фолиантах и даже драгоценностях. Юля не слишком верила в несметные богатства прабабки мужа, считала, что та из вредности к любимым родственникам, знатно привирает, но никогда не спорила, и лишь прятала улыбку, слыша, как Клавдия Поликарповна начинает рассуждать о накопленном семьёй Тетериных с издавна состоянии. И вот зимой Клавдии Поликарповны не стало. Причём, умерла она при довольно странных обстоятельствах, не своей смертью. Если бы не несчастный случай, Клавдия Поликарповна, как считала Юля, с лёгкостью преодолела бы столетний рубеж и жила бы себе дальше, одна, охраняя свои сокровища. Конечно, человеком прабабушка мужа была непростым, в общении достаточно тяжёлым, неуживчивым, с ней трудно было разговаривать и уж точно невозможно спорить. Но при всём при этом Юля испытывала к Клавдии Поликарповне явную симпатию, с ней было интересно, забавно, к тому же старушка всегда говорила правду, не имела привычки улыбаться в глаза, а за спиной обсуждать, что Юля в начале семейной жизни наблюдала по отношению к себе со сторо-

ны других родственников мужа. Бабушка Клава всегда говорила правду. При их знакомстве, когда Сеня привёл Юлю в дом прабабки, представил той свою молодую жену, Юлю просверлили цепким взглядом, будто рентгеном. Она до сих пор помнила то ощущение, неловкость вперемешку с испугом от ожидания вердикта. Понравилась или не понравилась, подходит она или не подходит в жёны самому младшему представителю семьи Тетериных. Но Клавдия Поликарповна ничего не сказала, хотя довольной не выглядела. Но недовольство с её лица уже давно не сходило, по любому поводу, поэтому Арсений шёпотом посоветовал Юле не обращать на сумасшедшую бабку внимания. Все в семье, дети и внуки Клавдии Поликарповны были уверены, что она давно не в себе. И Юле попытались объяснить этот факт с самого начала, но, признаться, Юля так не считала. Наблюдала за Клавдией Поликарповной украдкой, слушала её, и понимала, что с разумом у пожилой женщины всё отлично. Просто она не любила людей. Уж когда это пришло к ней – в старости испортился характер или она всегда такой была, Юле выяснить так и не удалось. Потому что стоило ей поднять эту тему, все принимались отмахиваться, не желая говорить о коварной, язвительной старухе, которая, словно Кощей Бессмертный сидит одна в своём огромном доме и над златом своим чахнет. Особенно Николай Васильевич злился на бабку, потому что та его откровенно изводила и иначе, как бесстыдником, не звала. Причину этого Юля не знала, а спрашивать ка-

залось неприличным. Хотя, что бесстыдного мог совершить в своей жизни Николай Васильевич с его любовью к домострою, с его правилами и моралью, было непонятно. Юля за два года брака уверилась, что семья её мужа самая правильная, правильнее уже просто некуда. Но Клавдия Поликарповна старшего внука не уважала, и скрывать этого никогда не пыталась. А вот Николай Васильевич все её придирки и едкие замечания стойко терпел, и пар выпускал только выйдя за порог бабкиного дома.

Они все терпели. В надежде на наследство. Трое детей, пятеро внуков и восемь правнуков. Все мысленно делили нажитое имущество и представляли себе сундуки, полные золотых монет и драгоценных камней. Конечно, всё это глупости, Арсений, временами принимаясь перечислять вслух возможные бабкины сокровища, в какой-то момент начинал смеяться, но затем замолкал, задумывался и, в конце концов, пожимал плечами. Добавлял негромко:

– Чем чёрт не шутит.

Главную долю в наследстве должен был получить Николай Васильевич, это давно было всем известно. Он и его семья всю жизнь прожили в этом городе, рядом с бабушкой, и, не обращая внимания на все её издёвки и вечное недовольство, за престарелой женщиной ухаживали. И Клавдия Поликарповна в какой-то момент, видимо, ощутив всю тяжесть подступившей старости и болезней, громогласно пообещала, что дом оставит семье внука Коли. А уж остальное накоп-

ленное имущество будет делиться без неё.

– Хоть перегрызитесь все, – добавила она весомо и раздвинула тонкие губы, что должно было означать довольную улыбку. – Я оттуда посмотрю на вас, повеселюсь. – И ткнула тонким, костлявым пальцем куда-то в потолок, а затем обвела всех присутствующих весёлым, чрезвычайно довольным взглядом.

Юля отлично помнила тот вечер, канун Рождества, единственный праздник, который Клавдия Поликарповна признавала. Она даже свой день рождения давным-давно не праздновала. А в канун Рождества дети, внуки и правнуки неизменно собирались в её доме, приносили с собой приготовленную еду для праздничного стола, и все дружно делали вид, что наслаждаются обществом любимой бабушки, да и друг друга. Особо близкой связи между родственниками не было.

А в тот вечер, полтора года назад, после слов и обещаний Клавдии Поликарповны понаблюдать за семейными разборками, сидя на облачке и свесив ножки вниз, многие за столом от злости позеленели, а мать Николая Васильевича, Мария Степановна, не выдержала и попыталась мать вразумить:

– Мама, да что же ты делаешь? Папа был бы недоволен.

– Вот и получишь после моей смерти то, что мне от твоего отца досталось. Шиш, да не шиша. Что он со своей солдатней заработал? Ничего. Одни погоны до сих пор в газетку завёрнутые лежат. У Генки отец хотя бы заведующим гастронома

был. – Клавдия Поликарповна головой качнула в такт своим воспоминаниям, на её тонких губах появилось нечто сродни усмешки, редкое явление. – Тот ещё мерзавец. Недаром и помер в тюрьме. Тогда всех за растраты сажали.

Младший сын Клавдии Поликарповны, Геннадий Робертович, представительного вида мужчина с седыми усами, вздохнул, затем негромко попросил мать:

– Мама, давай не будем вспоминать всех твоих мужей. Здесь дети.

– А что их не вспоминать? – подивилась Клавдия Поликарповна, повела в воздухе сухонькой ручонкой, на безымянном пальце которого красовался массивный перстень с камнем непонятного оттенка. С первого взгляда становилось ясно, что перстню этому куда больше ста лет, но в то, что он имеет большую ценность, как-то не верилось. Сам перстень выглядел грубым и неказистым. Но Клавдия Поликарповна им сильно дорожила, говорила, что он достался ей от бабки, а той от её бабки. А та самая бабушка её бабушки красавицей слыла немыслимой, и влюблён в неё был столичный князь, не раз приезжал и просил её руки, так что неизвестно, кто у Тетериных в родне, возможно, кто-то из царской семьи. Не зря же прапрабабка её закончила свою жизнь за стенами местного монастыря, постригли ту в монахини, скорее всего против воли её, чтобы скрыть позор… В общем, все речи Клавдии Поликарповны сводились к подобным рассуждениям и воспоминаниям. Наверное, в какой-то

момент жизни ей стало скучно жить настоящим, и она с головой ушла в прошлое своей семьи. Как мужья закончились, так и решила больше интересоваться историей, а не реальной жизнью. – Всех вспоминать надо. И что такого, что у меня было четыре мужа? Времена такие были. Все безвременно покинули этот мир. Кто на войне сгинул, кто в тюрьме помер, кто просто мерзавцем оказался и сбежал. Хорошо, что не спёр ничего ценного, прохвост.

Арсений рядом с Юлей, не скрываясь, усмехнулся.

– Бабуль, так может ты его запилила? Вот он и сбежал.

Мария Степановна кинула на любимого внука испепеляющий взгляд и негромко цыкнула. Но было поздно, все его замечание отлично услышали, включая прабабку. Но та не рассердилась, не возмутилась, лишь сухонькими плечиками равнодушно пожала.

– Мужик на то и есть, чтоб баба его пилила. Не выдерживает, значит не мужик. Зато я фамилию нашу сохранила, ни разу не предала семью, все мои сыновья – Тетерины. Продолжатели рода. – Клавдия Поликарповна помолчала, заглянула в свою чашку с любимым вишнёвым компотом, после чего подняла глаза и обвела всех своих родственников, родных, близких, кровиночек, цепким взглядом. Взгляд этот, в итоге, остановился на лице Николая Васильевича, и тогда она добавила: – Вот мужику дом и оставлю. Никому больше не доверю.

Тогда Николай Васильевич приосанился, почувствовал

свою важность, а вот после смерти бабки вдруг как-то приуныл. И никто не мог понять из-за чего.

Умерла Клавдия Поликарповна нелепо, как-то неподобающе для её бойкого, энергичного характера, как считала Юля. Ночью споткнулась наверху лестницы и упала вниз, ударилась головой. Нашла её Мария Степановна, когда утром пришла навестить мать. Клавдия Поликарповна была уже мертва, лежала у подножия старой лестницы в длинном парчовом халате, с распущенными жиденькими волосами и смотрела в потолок мёртвым взглядом. Юля отлично всё это запомнила, потому что примчалась вместе со свекровью и свёкром после звонка Марии Степановны, и ещё до приезда милиции успела всё это увидеть. И отлично помнила, какую острую жалость почувствовала, не только к умершему человеку, этой совсем худенькой, почти невесомой старушке, лежавшей на полу, а из-за того, что не стало такого интересного, ни на кого не похожего человека. Клавдия Поликарповна на самом деле Юле нравилась, хотя общались они совсем немного. Ей, как молодой жене самого младшего правнука было вроде как не по рангу общаться с самым старшим и важным представителем семейства Тетериных. На Клавдии Поликарповне, если честно, вся семья и значимость Тетериных и держалась. Она поддерживала и подпитывала самоуважение внутри семьи. И вот ее не стало.

Остался пустой дом, старинная мебель и посуда внутри, картины в потёртых рамах, а ещё воспоминания. Воспомина-

ния об этом уникальном человеке, которые накрывали, стоило лишь оказаться рядом с её домом. Юля почему-то всегда, выходя, останавливалась на широком крыльце, поднимала глаза к окнам второго этажа, и так замирала ненадолго, будто прислушиваясь. Казалось, что дом вот-вот заговорит с ней, и непременно скрипучим, едким голосом Клавдии Поликарповны. Ведь этот дом – и есть она, её семья, все её воспоминания и чаяния, вся её жизнь. Выходя четыре раза замуж, Клавдия Поликарповна никогда не жила вне стен этого дома. За деревянной резной дверью вся её жизнь, длинной почти в век. Юле каждый раз становилось грустно от того, что этот величественный, пусть и обветшавший дом, лишился своей хозяйки, своего главного сокровища.

А вот Николай Васильевич, да и остальные родственники, вряд ли рассуждали, как Юля. Их волновал другой вопрос, куда более меркантильный. Дом, в исторической части старинного городка, в туристической его части, с приличным участком земли, стоил очень больших денег. Цифра обещала быть с шестью нулями в хвосте. И все понимали, какая участь ожидает бабкино наследство, стоит ей уйти из жизни, и Клавдия Поликарповна это прекрасно понимала, и именно поэтому, как предполагала Юля, решила оставить дом в наследство именно Николаю Васильевичу, несмотря на своё неуважительное отношение к нему. Знала, что он вряд ли станет продавать бабкино наследство, просто потому, что оно принесёт ему куда больше пользы, находясь в его

владении. Николай Васильевич проживал в городе, никогда никуда не думал переселяться, и мечтал расширить семейный гостиничный бизнес. А большой дом в центре города – это золотая жила. Поэтому Клавдия Поликарповна и написала завещание в его пользу.

Вот только само завещание никто не видел. Оно хранилось у нотариуса, и озвучить его должны были по истечении полугода после смерти, то есть завтра. То, что главным наследником станет Николай Васильевич, было известно со слов самой бабушки свёкра, но зная её коварную натуру, ожидать можно было чего угодно. Клавдия Поликарповна напоследок могла и пошутить. Зло пошутить. И, по всей видимости, это Николая Васильевича в последнее время и беспокоило. Его можно было понять, у свёкра были грандиозные планы на это наследство.

– Всем доброе утро.

Юля обернулась на голос мужа, посмотрела на встрёпанного после сна Арсения, и улыбнулась тому. Сказала:

– Доброе утро. Завтрак скоро будет готов.

Сеня улыбнулся ей в ответ, но несколько рассеянно. Прошёл по кухне, сладко потянулся и остановился возле окна, выглянул на улицу. А Юля закружилась по кухне, торопясь подать мужу завтрак, и не забывая посматривать на того. Не смотреть на Арсения было трудно, муж у Юли был красивый, статный, буквально притягивающий женский взгляд. Высокий, широкоплечий, светлые волосы растрепа-

лись после сна, а Сеня зевал и тёр тяжёлый подбородок с милой ямочкой посередине рукой. К Арсению хотелось подойти, прижаться и ещё раз рассказать, что он самый лучший на свете. Именно такое впечатление он производил, особенно, когда улыбался, впечатление милого парня, в которого можно влюбиться с первого взгляда и навсегда. И быть счастливой только от осознания того, что он тоже тебя любит. Сеня выглядел плейбоем с обложки журнала, рядом с которым жизнь непременно превратится в чудесную мечту. Конечно, в чудесную мечту Юлина жизнь после замужества не превратилась, но она была довольна тем, как всё складывалось, и мужа любила. Заботилась, ухаживала, старалась поддерживать, каждый день, и начинала с того, что кормила любимого Сеню вкусными завтраками.

Николай Васильевич тоже за сыном наблюдал, но столь благодушным по отношению к нему не был. Даже буркнул:

– Долго спишь.

– Да где долго? Девяти нет.

– Ты обещал отогнать минивэн в сервис. У меня колено болит, не могу за руль.

– Обещал, значит, сделаю. – Арсений отодвинул стул и сел за кухонный стол, в ожидании завтрака. – А ты, бать, вместо того, чтобы ворчать, лучше бы в больницу сходил, как мать предлагает. И колено бы своё полечил.

– Поучи отца, поучи. – Николай Васильевич допил свой чай и вдруг вздохнул. – Предчувствие у меня нехорошее.

– По поводу чего? – заинтересовался Арсений.

– Завтра нотариус приедет, – напомнила мужу Юля. – Завещание оглашать будут.

– Об этом я помню. А из-за чего нервничать? – Он на отца посмотрел. – Или боишься, что бабка дом дяде Гене отписала?

Сеня насмешничал, но никто больше не улыбнулся. Юле вдруг стало немного неловко, и она украдкой бросила взгляд на свёкра, боясь вмешиваться в разговор. Считала, что чужое наследство её волновать не должно.

– Зато тебя, как посмотрю, ничего не беспокоит, – не удержался от критики Николай Васильевич. – Сидит тут, ёрничает.

Арсений получил свою тарелку с молочной кашей, бутерброды и чай. Принялся за завтрак, а, обращаясь к отцу, сказал, пожимая плечами:

– Бабка была злой, сумасшедшей старухой. Сам знаешь. И ожидать от неё можно чего угодно. Так что, предлагаю тебе расслабиться и получить удовольствие от её последнего спектакля.

– Сеня, она же твоя бабушка, – всё-таки встряла Юля. – Так нельзя.

Муж лишь отмахнулся.

– Я вот от этого наследства ничего хорошего не жду. Даже если она оставила всё нам, наверняка изобрела какой-нибудь подвох. Чтоб посмеяться над нами вдоволь. И, заметь,

что она подготовилась к своей такой случайной смерти. Даже ключи от своих сундуков нотариусу передала. И мы уже полгода ходим вокруг них, как дураки. Думаем, гадаем, а там, может, ворох нижних юбок какой-нибудь прапрабабки, подвязавшейся любовницей обедневшего барона или статского советника. – Сеня замолчал, сосредоточено жевал, после чего добавил со всей серьёзностью: – Не верю я во всё это.

Николай Васильевич с явным трудом поднялся, аккуратно переступил на больную ногу, а сыну сказал:

– Вот завтра и узнаем.

Свёкор вышел из кухни, Юля посмотрела ему вслед, затем негромко проговорила, обращаясь к мужу:

– Зачем ты так? Твой папа и без того переживает. Всё-таки это его бабушка.

– Он же не из-за этого переживает, а из-за того – оставила она его с носом или нет. Всё дело в деньгах, мышка. Как всегда.

Юля решила с ним не спорить, подошла, погладила по светлым волосам, после чего наклонилась и поцеловала в макушку.

– Ешь. Я пойду гостей кормить.

Порой Арсений становился очень похож на свою прабабку, проявлял ту же язвительность и бездушность к чужим чувствам. Но ему вряд ли бы понравилось, узнай он о мыслях жены. А ведь она не называла это недостатком, давно свыклась, но семейная черта была на лицо.

На следующее утро из города вернулась Алевтина Ивановна, свекровь Алёны. Приехала рано, первым автобусом, видимо, боялась пропустить приезд нотариуса и событие в целом. Юля вышла из комнаты, чтобы свекровь поприветствовать, но с лестницы заметила, что та уединилась с мужем на кухне, и они даже дверь за собой прикрыли, чего в доме практически никогда не делали. Но, видимо, им было, что обсудить, и поэтому Юля решила им не мешать. Всё происходящее несколько беспокоило. Она не понимала, из-за чего родители Арсения так сильно переживают, ведь не рассчитывают всерьёз получить в наследство миллионы? Обидно, конечно, будет, если Клавдия Поликарповна всё-таки не сдержит своего слова, и дом достанется другим родственникам, которые захотят попросту избавиться от наследства и продадут его чужим людям. Обидно, но явно не смертельно. Но что-то Николая Васильевича беспокоило, как он говорил – предчувствие.

– Что там? – сквозь сон поинтересовался Сеня, когда Юля вернулась в постель.

– Мама твоя приехала.

Арсений зевнул и сквозь зевок проговорил:

– День икс настал. Юлька, ты будешь меня любить, если наследство мне не достанется?

Она невольно рассмеялась, погладила мужа по широкой спине. Успокоила:

– Конечно, буду. Куда я от тебя денусь?

– И правда. Куда?

Арсений вдруг потянулся к ней и стиснул крепко-крепко. Так что стало нечем дышать.

– У нас всё будет хорошо и без этих денег, – сказала ему Юля после поцелуя.

Арсений не ответил.

Нотариус приехал в полдень. Многочисленное семейство Тетериных собралось в доме Клавдии Поликарповны, даже Геннадий Робертович с супругой и детьми не поленились приехать из Подмосковья, и теперь без конца жаловались на долгую поездку и пробки. Но прибыли все вовремя, и теперь переглядывались с другими родственниками. Ситуация была откровенно неприятная. Юля сидела в сторонке, на неудобном кожаном диване с твёрдой спинкой, и за родственниками мужа наблюдала. В комнате собралось пятнадцать человек, но никто друг с другом не разговаривал, будто опасались опередить события, и, наверное, мысленно пытаясь представить размер ожидаемого наследства. Если честно, Юля с большим удовольствием осталась бы дома, пропустила бы процедуру оглашения завещания, потому что наблюдать за людьми в подобной ситуации было неприятно, по крайней мере, за людьми в этой комнате, которые ей, вроде как, приходятся роднёй, пусть и по мужу. Но Арсений настоял на её присутствии, и Юля согласилась, оставили на хозяйстве в доме Любу, и отправились крутить колесо удачи всей семьёй.

– Что ты нервничаешь, – услышала Юля голос Геннадия Робертовича, когда тот обратился к племяннику. Повернулся к Николаю Васильевичу и раздвинул губы в неприятной улыбке. – Мать оставила дом тебе, сама же говорила.

– Посмотрим, – неохотно отозвался Николай Васильевич, лишь искоса кинув взгляд на дядю.

Судя по поведению людей в комнате, которые друг друга называли родственниками, и приходились друг другу родственниками, после раздела имущества, нажитого Клавдией Поликарповной, они вряд ли продолжат общаться часто, хоть с каким-то желанием.

Появился нотариус, щуплый мужчина в дорогом костюме и с портфелем в руке. Он вошёл в комнату, которую баба Клава всегда именовала «залой», увидел, можно сказать, что толпу родственников, и в первый момент заметно удивился. Явно не ожидал подобного аншлага. А затем уже он окинул взглядом комнату, мебель, картины, старинный буфет у стены, с потемневшими от времени стёклами, но зато с сервизом «Мадонна» за ними, и в его глазах заблестел интерес и любопытство.

– Я видел дом только на фотографиях, – пояснил он свой интерес, присаживаясь за дубовый стол и раскладывая на нём документы. – Дом и обстановка впечатляет.

Люди примолкли, смотрели с ожиданием, а вот Николай Васильевич, кажется, озадачился после этих слов. Даже переспросил:

– То есть, вы раньше в доме не были?

Нотариус покачал головой.

– Нет.

– А как же бабушка завещание умудрилась написать?

– Она приезжала в город, и мы всё оформили.

– В город? – Это уже Мария Степановна. Не на шутку удивлённая. – Мама не выходила одна уже несколько лет. Я бы знала.

– Клавдия Поликарповна в последний раз приезжала ко мне год назад. Мы её встречали и провожали. Видимо, ваша мама не хотела привлекать внимания к тому, что задумала.

– И что же она задумала? – нетерпеливо и недовольно перебил его Геннадий Робертович. – Расскажите уже нам.

– Одну минуту, сейчас начнём. Для начала представлюсь, меня зову Обухов Артём Александрович. Я озвучу волю Клавдии Поликарповны Тетериной. Завещание, его окончательный вариант, был составлен и заверен год назад, пятнадцатого апреля.

– Окончательный?

– Да, Клавдия Поликарповна несколько раз его дополняла, исправляла, но, надо сказать, что все исправления касались не дома, а вещей и ценностей. Как она считала.

Арсений рядом с Юлей маетно вздохнул и проговорил так, чтобы слышала только она:

– Как она считала, – повторил он за нотариусом. – Понятно, будем делить тарелки.

Но его слова про тарелки всё равно долетели до ушей Артёма Александровича, и тот весомо заметил:

– Хочу порадовать вас, молодой человек, по документам оценщиков, в этом доме даже тарелки стоят неплохих денег. Кузнецов, Гальнбек, даже пара вещиц с клеймом Карла Фабержe. Конечно, никаких уникальных находок сделано не было, но всё, собранное вашей бабушкой, стоит неплохих денег. Целиковых сервизов того же Кузнецова у неё нет, но порой и одна, две тарелки являются приятной находкой. Приятной для родственников.

– Это всё можно будет продать?

– С лёгкостью. Коллекционеры в очередь встанут. Но Клавдия Поликарповна отлично знала цену своим вещам, и поэтому сделала подробную опись, и она всё разделила между вами… между родственниками, как посчитала нужным. Всё, что не поделено, останется в этом доме.

Геннадий Робертович переглянулся с женой, после чего кинул многозначительный взгляд на тяжёлые бронзовые часы, что стояли у стены, и поторопил:

– Тогда давайте начнём. Нам ещё обратно по пробкам возвращаться.

Арсений снова усмехнулся и поинтересовался:

– Что, даже чаю не попьёте, дядя Гена?

Мария Степановна вместе со свекровью Юли одновременно развернулись и просверлили любимого мальчика ещё парочкой предостерегающих взглядов. А Юля незаметно толк-

нула мужа локтем в бок.

Следующие минут сорок прошли в волнении родственников под заунывный аккомпанемент голоса нотариуса, который по списку оглашал, кому достаётся какая тарелка, ложка, ваза или картина. А помощник Артёма Александровича, молодой человек со скучным лицом, выдавал людям положенное. Всё происходящее выглядело до безумия странно и как-то неправильно. Родственники сидели молча, с каменными лицами и разглядывали то, что получили на память о любимой бабушке. Чей-то голос в какой-то момент довольно отчётливо произнёс:

– Сумасшедшая старуха.

И только Николай Васильевич сидел с прямой спиной и всё ещё ждал самого большого куска пирога, хотя незадолго до этого ему в дар передали коллекцию картин в потёртых рамах, и, после озвученной суммы их примерной оценки, такому подарку можно было бы всерьёз порадоваться. Юля бы на месте свекра точно бы порадовалась, а тот сидел напряжённый, с каменным лицом и заметно переживал.

Арсению тоже кое-что досталось, часть сервиза Ивана Гальнбека, датированная девятнадцатым веком, и ваза для фруктов, Юля её прекрасно помнила, с виду совершенно непримечательная, стояла в буфете на кухне, оказавшаяся детищем Карла Фаберже. Сеня наследству совершенно не впечатлился, сидел и посуду разглядывал, а вот Юля чувствовала нечто вроде благоговения. И только пробормотала:

– Откуда у неё всё это?

Арсений голову повернул и взглянул на жену скучающим взглядом.

– Не удивлюсь, если мы в подвале найдём пару скелетов, запиленных насмерть мужей.

Юля мужа одёрнула.

А Артём Александрович тем временем громко вздохнул, закрыл папочку с документами и сообщил:

– И на этом мы закончили.

На мгновение в комнате повисла тишина, но почти тут же люди заговорили, казалось, что все разом. Николаю Васильевичу пришлось подняться, чтобы его голос перекрыл все остальные. Он обратился к нотариусу.

– Что значит, закончили? А дом?

– То, что касается дома, как я уже говорил, Клавдия Поликарповна изначально своего решения не меняла. Дом и вся обстановка, оставшиеся ценности, а также… её знаменитые сундуки, – Артём Александрович поджал губы, стараясь быть очень серьёзным, – достаются одному-единственному человеку. Который сегодня здесь не присутствует, по уважительной причине, он поставил меня об этом в известность, и появится чуть позже, чтобы вступить в права наследства.

Повисла тишина, даже Юля вся превратилась в слух, и не отрывала взгляда от чрезвычайно серьёзного лица нотариуса, ожидая развязки. На всякий случай окинула взглядом собравшихся, пытаясь понять, кто же из родственников

отсутствует. На первый взгляд, собрались все.

Мария Степановна, заметно переживающая за сына, всплеснула руками в сердцах, а у нотариуса поинтересовалась:

– Это что, такая тайна? Я не могу узнать, кому мама оставила свой дом? И что это, вообще, за ерунда, – не смогла она остановить поток возмущения. – Всё было давно оговорено, что мой сын получит в наследство дом, так как мы в этом городе живём, мы за мамой ухаживали, до последнего дня…

– Хорошо ухаживали, что она с лестницы упала.

– Люся, помолчи, – накинулась на жену брата Мария Степановна, – вы, вообще, раз в год появлялись и ничего не знаете! А наша семья всегда была рядом с мамой!

– Я прошу вас всех успокоиться, – попросил нотариус. Кстати, он совершенно не был смущён происходящим, видимо, привык к подобным семейным конфликтам и выяснениям отношений в его присутствии. – Есть завещание, которое Клавдия Поликарповна написала своей рукой, и, если вы желаете, я могу его прочесть вслух, хотя это не было её обязательным условием. Но она распорядилась о своей последней воле, которой оставляет свой дом, которым очень дорожит, семейное гнездо Тетериных, и оставшееся имущество, своему правнуку… тут даже отдельно прописано: сыну Николая Васильевича Тетерина…

Нотариус говорил спокойно, не делая никаких пауз, ровным голосом зачитывал завещание, но за эту долю секунды

все в комнате успели обернуться на Арсения, и Юля в том числе, а тот хоть и удивлённо вздёрнул брови, но начал улыбаться, а Артём Александрович продолжил, зачитывая имя наследника:

– Игнату Николаевичу Кудепову. И вот здесь я должен зачитать со слов Клавдии Поликарповны: «Я исправляю несправедливость. Отныне всё встанет на свои места. Как должно было быть изначально».

В комнате повисла зловещая тишина, все смотрели на Николая Васильевича, а тот, кажется, сравнялся цветом лица с цветом старых обоев на стенах, стал такого же землистого, тёмного оттенка. Свекор в какой-то момент даже схватился за спинку стула, а в следующий момент рванул прочь из комнаты, и лишь дверь, закрываясь за ним, хлопнула с такой силой, что, казалось, стены вздрогнули. Все по-прежнему молчали, Мария Степановна прижала ладонь к губам и смотрела на Алевтину Ивановну, а та сидела с мрачным лицом, и казалось, вот-вот закричит. У неё даже рот кривился, чего Юля за свекровью ещё не замечала.

Юля же посмотрела на мужа. Арсений откинулся на неудобную спинку дивана, сложил руки на груди и уже не усмехался. Кажется, новость и его всерьёз расстроила.

– Кто это? – тихо спросила Юля, а Арсений недовольно выдохнул и проговорил сквозь зубы:

– Братец старший. Чтоб ему провалиться.

ГЛАВА 2

Вот и обнаружились те самые скелеты в шкафу, про которые совсем недавно говорил Арсений. Вот только закопала их в своё время не Клавдия Поликарповна, а Юлин свёкор. Точнее, не он один, вся семья в сокрытии этого постыдного, как считалось, события участвовала. И поэтому после ухода, или бегства, Николая Васильевича из дома бабки, все ещё долго молчали.

И Юля замолчала, было неудобно задавать вопросы, даже мужу, но удивилась она не на шутку. За два года брака она ни разу не слышала о том, что у Сени есть старший брат, а у свёкра ещё один сын. О нём никто никогда не вспоминал, никакой Игнат никогда не приезжал к ним в дом и не звонил. Юля даже имени Игнат никогда не слышала. К тому же, фамилия у него не Тетерин.

Покидали теперь уже чужой, по сути, дом, со смешанными чувствами. Час назад семейство Тетериных подъехало к крыльцу особняка, ощущая себя без пяти минут хозяевами, а уходили ни с чем. Николай Васильевич, как оказалось, отбыл на машине, и Юле с Арсением, и Марии Степановне с невесткой пришлось возвращаться домой пешком. Правда, идти было не так далеко, но они шли медленно, и все опять же долго молчали. Лица у всех были невесёлые, и Юля радовалась только тому, что остальные родственники поспе-

шили разъехаться, прихватив с собой доставшиеся от бабки ценности.

– Что ж это такое делается, – в расстройстве проговорила в какой-то момент Мария Степановна. – Мать совсем сдурела на старости лет… Это как же так?

Юля держала мужа за локоть и только прислушивалась к разговору. А свекровь тоже устала молчать, негодование рвалось у неё из груди, и она даже остановилась и, наконец, возмутилась в полный голос:

– А потому что она всегда его привечала, мальчишку этого! Тебе ли, мам, не знать! И говорить что-либо было бесполезно, упрямая старуха!

– Но оставить ему дом!.. Я даже подумать не могла, предположить…

– Она сделала это назло!

Рассуждать сейчас о том, что баба Клава сделала что-то назло или с какими-то другими целями, было бессмысленно, можно было только злиться и разводить руками. Но Арсений всё-таки уточнил:

– Значит, всё точно достанется Игнату?

– Ты же слышал, что сказал нотариус. Игнат в курсе того, что заполучил наследство, и скоро появится. Чёрт его несёт, – окончательно сникла Алевтина Ивановна. – Столько лет не появлялся, и вот, пожалуйста.

– Мама постаралась, – проговорила Мария Степановна, в бессилии развела руками. – А Игната и, правда, чёрт при-

нёс, по-другому с ним не бывает. Свят-свят.

Все эти разговоры казались странными, даже беспокоящими. Юля стояла рядом с родственниками мужа и всё, что могла, так это прислушиваться.

– Я к Ольге схожу, – вдруг решила Алевтина Ивановна. – Схожу и скажу ей всё, что думаю! – гневалась она. – Без её участия точно не обошлось! Обработала старуху для сыночка своего! Не удивлюсь, если она её в город к нотариусу и таскала!

– Аля, успокойся, – попыталась угомонить сноху Мария Степановна. И сказала: – К Оле я сама схожу. Ваши встречи ничем хорошим не заканчиваются.

– А чем хорошим они должны заканчиваться? – удивилась Алевтина Ивановна. – Всю жизнь нам с Колей испортила! Мало все в городе о нас судачили не один год, теперь всё заново начнётся!

Да, в плане сплетен жить в маленьком городке неудобно и опасно. Слухи могли разойтись и обрасти по пути кучей новых подробностей из-за любой мелочи, а уж ребёнок на стороне или измена жене вызывали у людей огромный интерес. Очень странно, что Юля за два года брака ничего об этом не слышала, наверное, в силу прошедших лет слухи утихли, а сейчас, Алевтина Ивановна права, всё всколыхнётся с новой силой.

Все в доме казались не на шутку расстроенными. Недаром, по всей видимости, Николай Васильевич несколько

недель до этого мучился от дурного предчувствия, вот неприятное событие его и накрыло. В доме поселилось раздражение и гнев, все разбежались по разным комнатам, и только Юля занималась обедом для заселившихся гостей и выслушивала их просьбы и поручения. Крутилась весь день, как белка в колесе. Домашним её помощь и поддержка были без надобности.

В какой-то момент к ней подошла Люба, закончившая уборку в свободных комнатах гостевого дома. Присела за стол на террасе с чашкой чая, но уже спустя минуту Юля поняла, что женщина решила не просто передохнуть. Обычно Люба предпочитала отдыхать в одиночестве, в беседке в саду, а тут рискнула придти на террасу. И всё к Юле приглядывалась, и, наконец, негромко поинтересовалась:

– Юль, что случилось-то?

Рассказывать уборщице о семейных делах было явно неправильно, но, судя по всему, Люба и без неё уже кое-что знала. Можно только удивляться, как и с какой скоростью разносятся новости по маленькому городку. Вот откуда, откуда можно было узнать, что сегодня зачитывают завещание Клавдии Поликарповны? Что ждут приезда нотариуса из большого города, что соберётся вся семья? Тетерины на каждом углу об этом не трубили, они, вообще, старались о своих семейных делах за стенами дома не распространяться. Но все почему-то всегда всё знали. Их фамилия в маленьком городке всегда была на слуху, и к этому Юля только

привыкала.

На вопрос Любы так просто ответ найти было нельзя. Выносить из избы сор, как говорила Мария Степановна, было строжайше запрещено, это Юле объяснили ещё в первые недели замужества. Нужно всегда держать язык за зубами, она теперь Тетерина. Поэтому Юля пожала плечами и расплывчато ответила:

– Что-то обсуждают.

Люба понимающе кивнула, заправила за ухо редкие, спутавшиеся волосы. Юле иногда казалось, что она их никогда не расчёсывает, хорошо хоть мыть не забывает. Люба не очень охотно следила за собой и своим внешним видом, хотя женщиной была не старой. Но чересчур простой, на грани неряшливости.

– Говорят, Игнат едет, – сказала она вдруг. Юля обернулась на неё, взглянула с удивлением на её осведомлённость, но сама замерла, не понимая, откуда во взгляде Любы вдруг взялось столько робости вперемешку с любопытством. Что такого, даже если этот Игнат приедет в город? Почему все так реагируют?

– Я не знаю, – ответила она и снова отвернулась.

Люба возвращаться к работе не торопилась. Продолжала сидеть за столом и делала вид, что пьёт чай и на всякий случай время от времени испускала усталый вздох, наверное, чтобы Юля не уличила её в притворстве. Юля делала салат для гостей, раскладывала тот красиво по небольшим тарел-

кам, украшала зеленью, и, признаться, раздражалась из-за того, что Люба таращится ей в затылок.

– Игнат приедет, мало никому не покажется, – вновь глубокомысленно, но в то же время с намёком на злорадство, проговорила Люба. – Они все его боятся.

– Кто все? – переспросила Юля.

– Тетерины.

– С чего бы им боятся какого-то Игната.

– Да потому что он сам чёрт, – вдруг заявила Люба, причём словами Марии Степановны. Юля снова на неё обернулась, глянула снисходительно.

– Что ты выдумываешь?

– Ничего я не выдумываю. Все так говорят. Он с малолетства такой. Уж если что задумал, так сразу спасайся. Уж сколько участковый за ним бегал, почитай до самой армии. Как забрали Игната в армию, так все и вздохнули свободно. Правда, он потом вернулся…

Люба снова замолчала, явно намеренно недоговорив, и Юля, поддавшись рвущемуся изнутри любопытству, взяла и переспросила, не успела себя остановить:

– И что?

– Устроил отцу сладкую жизнь. Неужели ты не знаешь?

Стало немного неловко, но Юля попыталась выказать своё безразличие к ситуации. Снова передёрнула плечами.

– А зачем мне?

– Ну, вот приедет, и узнаешь зачем. Ольга-то, наверное,

как рада.

– Ольга – это его мать?

– Да. Красивая девка в молодости была. Да и сейчас она ничего, а вот замуж так никогда и не вышла. – Люба таинственно понизила голос. – Испортил её Колька Тетерин, все так в городе говорят. Даже бабки все в округе, как возьмутся карты раскладывать, так и говорят – испортил. Словно, порчу навёл.

Юля недоверчиво и презрительно фыркнула.

– Люба, что за мракобесие?

Люба тут же улыбнулась и совсем другим тоном, спокойным и весёлым, отозвалась:

– Хочешь, верь, а хочешь, нет. Но так и есть. Ни одного мужика с ней рядом больше не видели. Как Колька её бросил, так она только сыном занималась. Любит его до безумия. А он бес бесом с детства. А сам весь чёрный, даже глаза, как угли, вылитый чертёнок. А она все его шалости прикрывала. Но надо сказать, что бабка Клава его тоже любила. – Люба вдруг усмехнулась. – Чудно. Родных внуков и правнуков на дух не переносила, а этого в доме всегда принимала, по голове гладила. Я сама видела.

– Так может он хороший мальчик…

– Кто?! Игнат Кудепов? – Люба рассмеялась, даже в ладоши хлопнула. – Да уж, золото прямо. – И она снова понизила голос: – Говорят, он в городе-то главный бандит.

– В нашем городе?

– Ну да.

Юля снова недоверчиво фыркнула.

– Я, конечно, с бандитами не знакома, но что-то сильно сомневаюсь.

– Вот и зря.

– Люба, всё это домыслы. К тому же, если он в нашем городе постоянно живёт, что же к матери не ездит?

– Не ездит сюда больше. – Люба вздохнула и развела руками. – Как магазин Колькин сжёг до тла, так и не ездит.

Юля поневоле замерла, на Любу обернулась и остановила непонимающий взгляд на её лице.

– В каком смысле – сжёг?

– Так в прямом, – обрадовалась Люба. На всякий случай глянула по сторонам, чтобы быть уверенной, что их никто не слышит. – У Тетериных, ещё до гостиницы этой, магазин на площади был, продуктовый. Это лет десять назад было. Хорошо у них дела шли, в городе у нас тогда затишье было, а они единственные разносолы всякие заморские привозили и ими торговали. А потом Игнат из армии вернулся, ну, помотался малость, не зная, чем себя занять, работу искал, и решил тоже магазин открыть. Думаю, ему бабка с деньгами помогла, любила она его, вот тебе крест. Ну, и вышло, что они с папкой-то его, с Колей то есть, конкурентами стали. Несколько лет лбами упирались, упирались, как бараны, Коля-то старшего сына никогда своим не признавал, а уж, как женился и законного народил, то и подавно. А потом, в од-

ночасье, магазин у Тетериных сгорел, до тла выгорел, ничего не осталось. Понятное дело, что это Игнат отцу отомстил, они до этого поругались прилюдно, прямо на площади. Милиция тогда бегала, проверяла, даже арестовать Игната пробовала, а он возьми да выкрутись. Чёрт он и есть чёрт. Разве его бумажками прокурорскими возьмёшь? Но после того, как милиция от него отстала, и Игнат пропал. Сказал, что ноги его в этом городе не будет больше. Вот с тех пор и не появлялся больше. Лет десять уж прошло.

– Занятная история, – пробормотала Юля, не на шутку впечатлённая услышанным.

– На то они и Тетерины, у них вся жизнь такая. Тайны сплошные. Неужели ты не знала?

– Меня как-то никогда чужие тайны не интересовали. Поможешь мне на стол накрыть?

Они вместе с Любой отправились в гостевой дом, начали накрывать столы к обеду, а Юля чувствовала, что своим рассказом женщина лишь разожгла в ней любопытство. До этого Юля старалась не влезать глубоко в жизнь и тайны семейства Тетериных, в конце концов, в какой семье нет парочки скелетов в шкафу, в её семье они тоже присутствуют, даже те, о которых она мужу никогда не рассказывала. И сейчас выспрашивать чужого, по сути, человека, казалось неправильным, даже неприличным, но все родственники разбежались и попрятались, о чем-то переживали, а Юля попросту не знала, к чему готовиться. К визиту некоего Игната, который то ли

брат её мужу, то ли не брат, а то и вовсе преступник и бандит.

Вот об этом она Любу и спросила, не удержалась:

– Так он сын Николаю Васильевичу или нет?

Они с Любой были в другом доме, вдали от ушей родственников, и можно было не оглядываться, боясь быть пойманной или подслушанной.

– Да кто же знает, – спокойно ответила Люба. – Свечку же никто не держал. Ольга твердит, что Тетерин, даже отчество сыну дала Николаевич, а Колька упирается, что нет. Мол, не похож, нагуляла. Кстати, Игнат и, правда, на Колю не похож. Он, вообще, ни на кого не похож. Говорю же, чёрный, как цыган. У нас и в округе таких мужиков не было и нет. Может, на самом деле, чёрт принёс, – усмехнулась Люба.

– А на сколько он Сеню старше?

– Да, наверное, года на три-четыре. Колька из армии на побывку приехал, ну и закрутил с Ольгой. Она тогда ещё девчонкой была. Но всё у них случилось, он уехал, а она беременная. – Люба смешно развела руками. – К матери его, к Маше пришла, мол, так и так, а та в истерику. Ну, ты знаешь, как она умеет. Такой крик подняла, на всю улицу, видите ли, Ольга сама виновата, а сын её не при чём. А как не при чём, если пузо на нос лезет? А Ольга-то сама из простой семьи, у неё отец конюхом на ферме работал, и мать дояркой. А тут Тетерины!.. Зазнайства в них всегда через край было, только рассказывают всем, что простые, как два лаптя. Вот Машка и заупрямилась, и сыночка, видимо, настроила. Он

уж вернулся, как Игнат родился. Как посмотрел на него, да матери показал, так и открестился. Не наше, говорят, нагуляла. Ольга-то сама светленькая, и Колька не цыган, а тут… уголёк, в общем. Вот и не признал он Игната. Уж сколько лет прошло, а всё открещивается. Потом и вовсе на Альке женился, мама, видимо, одобрила, а то и сосватала, и той чужой ребёнок тоже, как кость в горле. Всю семейную жизнь она с Ольгой цапается. Мимо неё не пройдёт, обязательно взглядом обожжёт.

– Прямо страсти, – подивилась Юля, если честно, не полностью доверяя источнику, что предоставлял ей информацию. Но послушать было интересно, хотя бы иметь примерную картину происходящего.

– Городок маленький у нас, – сказала Люба. – Все всё про всех знают. Только люди зря говорить не будут, Алька зря тоже на людей наговаривает. Столько лет эту историю смаковать бы не стали, если бы у неё продолжения не было.

– Какого продолжения?

Люба нахально присела за гостевой стол, поближе к Юле, и шёпотом проговорила:

– Говорят, Колька мать-то послушал, на Ольге не женился и сына не признал, но любил её сильно. Много лет к ней ходил. Видели его на их улице не раз, как он огородами, огородами… Всё к Ольге бегал, вот она замуж-то и не вышла. Его, видимо, любила, ждала. А чего ждать, у него уж Сенька к тому моменту родился. А потом их что-то развело,

и они едва ли не врагами стали. Сейчас на улице встречаются и отворачиваются. Видимо, не простила ему Ольга, что сына не признал. Она уж сына больно любит. И баба Клава любила, единственная из Тетериных его приняла безоговорочно. Поговаривают, что и имя это, бабка ему дала. Как посмотрела на младенца, так и окрестила Игнатом. И Кольке подлость не простила, бессовестным до самой своей смерти называла. Сын, говорит. Истинный Тетерин. А какой он Тетерин, если как цыган?

– Всякое бывает, – проговорила Юля, отходя на пару шагов. – Генетика такая странная вещь…

– В те времена никто ни про какую генетику знать ничего не знал. Все понимали, что ребёнок должен быть похож на своих родителей. Ну, на бабку с дедом. А тут непонятно откуда что взялось. А уж характер у Игната… Не приведи Господь.

– Злой?

– Упрямый. Он как в школу пошёл, так упрямо всем говорил, что Колька его отец. Как мать сказала, так и он всем рассказывал. Не стеснялся, не скрывался. Кто что скажет не по его, сразу в драку. Всем свою правоту доказывал, ничего не боялся. А вот с отцом не общался, ни разу к нему не пришёл и ничего не попросил. Мимо дома идёт, головы не повернёт, не посмотрит. На улице не поздоровается, но нос так задерёт, что все без слов понимают, чей он сын. Похож, не похож, а заносчивость тетеринская. Но как из го-

рода уехал, все вздохнули с облегчением. Уж не знали, чего ждать. Казалось, поубивают с Колькой друг друга. Да ещё Сеня подрос. Начал вмешиваться, а Игнат его, как щенка к ногтю прижимал. Пальцем не трогал, брат всё-таки, но рядом с Игнатом Арсений как телёнок, только глаза беспомощно таращит. Правильно, его мамки-бабки-няньки воспитывали, а Игнат безотцовщина, на улице вырос, привык свою правоту кулаками доказывать.

Такие отзывы о муже, которого Юля считала смелым и сильным, оставили неприятный осадок в душе. Разговор захотелось закончить, а Люба, кажется, всерьёз радовалась свободным ушам и болтала без умолка.

– Интересно, что он с бабкиным домом делать будет? – задала Люба риторический вопрос, и, задумавшись, подпёрла кулаком острый подбородок.

Это уж точно работницу никак не касалось, и Юля решила женщине на это намекнуть. Люба поспешила подняться и придвинуть стул обратно к столу, заторопилась за горячей супницей, а Юля, оставшись ненадолго одна, не скрываясь, вздохнула. Чего только не бывает в жизни. Теперь и её одолевают мысли о том, что Игнат Кудепов, кем бы он ни приходился семье Тетериных, сделает с домом Клавдии Поликарповны. А вдруг он решит в нём жить, и снова начнёт конфликтовать с Николаем Васильевичем? Тогда их спокойная жизнь, без сомнения, закончится. Ведь Игнат, как все о нём отзываются, настоящий чёрт.

Что это, вообще, значит? Как человек может быть чёртом? Что это за определение?

В столовой появилась пара из Москвы, тот самый мужчина в очках и его девушка. Таких, как она, принято называть роковой красавицей. По крайней мере, Юля себе их именно такими и представляла. Красивыми, ухоженными, статными, с взглядом заскучавшей от мирской жизни королевы. Девушка была высокой, с идеальной фигурой, с копной тёмных кудрей, пухлыми, надменно поджатыми губами, и взглядом свысока. Яркие голубые глаза смотрели равнодушно на всю красоту вокруг, и молодую особу древние красоты совершенно не впечатляли. Юля поняла это, встретив её на следующее же утро после их приезда. Её спутник слушал колокольный звон и любовался собором на холме, а девушка откровенно скучала и жаловалась на то, что её в невыносимую рань разбудил щебет птиц. В ответ на это Юля могла лишь улыбаться и молчать, и уж точно не могла пообещать, что завтра утром она у птичек отключит звук, чтобы дорогая гостья могла выспаться без помех. За прошедшие два года, можно сказать, что работы в гостиничном бизнесе, Юля усвоила, что капризных гостей нужно выслушивать, причем с улыбкой, сочувствовать их неудобствам, но при этом стараться ничего им не обещать. Ведь большинство из этих обещаний выполнить попросту невозможно, так как люди порой жаловались на совершенно немыслимые вещи. Вот, например, на щебет птиц.

– Добрый день, Юля, – поприветствовал её вежливый постоялец. Юля улыбнулась, пожелала гостям доброго дня и пригласила за стол.

Девушка первой прошла к столу, присела и критичным взглядом обвела блюда с едой, приготовленной специально для них на обед. Губы гостьи то ли скептично, то ли недовольно скривились, но высказывать своё недовольство она вслух не стала, принялась за обед, и Юля этому порадовалась. Лишние претензии её сейчас бы точно не порадовали, особенно, если бы они дошли до ушей родителей мужа.

– Скажите, в вашем городе есть, где развлечься? – поинтересовалась у неё девушка, когда Юля уже собиралась оставить гостей одних, чтобы они спокойно пообедали и провели время наедине. Ведь для этого, судя по всему, они и приехали. Чтобы побыть вдвоём. У них ведь любовь. Да?

Интересно, кому она эти вопросы задаёт, самой себе?

– Конечно, – ответила она, остановившись в дверях. – Но это зависит от того, как вы привыкли… отдыхать.

Девушка пожала плечами.

– Как обычно. Рестораны, клубы. Где можно отдохнуть?

– Думаю, для этого нужно поехать в большой город. – Улыбнулась. – Здесь точно клубов нет. А вот ресторанов у нас много, довольно неплохих. Даже с живой музыкой.

Девушка напоказ вздохнула, кинула на своего спутника выразительный взгляд.

– Были мы вчера в ваших ресторанах. Не понимаю, как

вы здесь живёте. Не город, а одно название. Кто только додумался назвать это городом!..

– Юрий Долгорукий, – выпалила Юля, прежде чем успела себя остановить. Девушка тут же устремила на неё горящий взгляд, видимо, решив, что над ней издеваются, а вот мужчина улыбнулся. Посмотрел на Юлю, улыбнулся и кивнул, а обратился к своей девушке:

– Когда-то этот маленький городок был столицей огромного княжества, Лана.

Девушка откровенно скривилась, а к Юле потеряла всякий интерес. Ела салат и посматривала на своего кавалера.

– Это было в незапамятные времена, Валера. А сейчас это больше смахивает на деревню, даже не особо большую. И я не представляю, что мы будем делать здесь неделю. – Лана жевала листья салата с каким-то непонятным остервенением, и в этот момент, со всей своей роковой красотой, была похожа на ламу. Эта мысль вдруг пришла Юле в голову, и она поспешила отвернуться, чтобы не выдать себя неподобающей улыбкой. А девушка, совершенно её не стесняясь, продолжила: – Наверное, ты специально меня сюда привёз, чтобы отделаться от моих просьб побыть со мной хоть немного. Конечно, жену ты возишь по курортам, а меня по деревням!

Мужчина совсем не обрадовался её словам, Юля видела, как он нервно повёл шеей и покосился на Юлю, всё ещё стоявшую у дверей в ожидании чего-то, ему явно стало неловко. А Юле стало его жалко, хотя, жалеть изменника вроде как

и не стоило. Она сделала осторожный шаг назад, будто надеясь в один момент раствориться за дверью, но Лана снова её остановила.

– Так что вы нам посоветуете?

Снова пришлось остановиться, хотя Юля уже успела взяться за ручку двери.

– Знаете, по поводу развлечений, вам лучше переговорить с моим мужем, он больше об этом знает. Лучшие рестораны, клубы… Я передам ему, чтобы он непременно к вам подошёл.

– Спасибо, будем ждать.

Позже, за обедом, Юля передала Сене просьбу гостей. Арсений лишь кивнул, а вот Николай Васильевич сплюнул в досаде.

– Понавезут профурсеток из столиц, клубы им подавай.

Его настроение ничуть не улучшилось с утра, свекор был хмур, зол, но ещё больше расстроен приключившейся неудачей. И все домочадцы старались обходить его стороной, не раздражая лишний раз ни словом, ни делом. Но, как они ни старались, Николай Васильевич находил причину взорваться и выместить на ком-нибудь своё недовольство. Всего за полчаса до обеда Юля слышала, как он кричал на жену.

Юля старательно смотрела в свою тарелку, вдруг почувствовав себя виноватой лишь за то, что озвучила не к месту чужую просьбу. Ощущение было, что сама по клубам собралась, и теперь её испепеляли недовольным взглядом.

– По всей видимости, для москвичей у нас слишком тихо, – заметила Алевтина Ивановна. – Не цыган же нам сюда приглашать, развлекать их.

– Мама, причём здесь цыгане? – спокойно возразил Арсений. Похоже, он на грозное недовольство отца не обращал никакого внимания. – Просто москвичи привыкли к другому. Это мы здесь, на самом деле, как в деревне живем, плесневеем.

– Ах, ты плесневеешь! – вновь взорвался Николай Васильевич. – А кто тебя здесь держит? Езжай в Москву и живи там! Ходите по клубам, развлекайтесь! Беги из дома! Только запомни: от нас с матерью копейки не получите, работать оба пойдёте! Некогда будет по клубам-то гулять, ноги с голода протянете!

– Начинается, – пробубнил Арсений, отворачиваясь в сторону и не собираясь вступать с отцом в полемику, а Алевтина Ивановна схватила разбушевавшегося мужа за локоть.

– Коля, угомонись. Что ты на Сене срываешься, он при чём?

– А вы все не при чём! – рыкнул глава семейства. – Все не при чём, а головная боль и все проблемы у меня! Ты подумала головой, что мы теперь делать будем?! – Он даже из-за стола вскочил, подошёл к кухонному окну и рванул на себя раму. Достал из кармана пачку сигарет и закурил.

Всё было плохо. Юля сидела за столом, водила ложкой в тарелке с супом, и только стреляла глазами то на одного, то

на другого. Сказать, что она сильно испугалась криков свекра, было нельзя, но очередную порцию впечатлений за сегодня получила, без сомнения. Судя по тому, как Николай Васильевич нервничал, она чего-то не знала. Конечно, потеря наследства могла расстроить сильно, но не настолько, чтобы человек начал рвать на себе волосы. Очевидно, Николай Васильевич успел распорядиться предполагаемым богатством, а тут птица-удача неожиданно вырвалась из рук, и свекор совершенно растерялся.

– Я не понимаю, зачем Игнату нужен этот дом, – проговорил Арсений якобы в задумчивости. – Он в городе давным-давно не был. Даже за матерью не приезжает и её сам не привозит. Как сказал, что ноги его здесь не будет, так слово и держит. А сейчас передумает?

– А ты откуда про Ольгу знаешь? – спросила его мать, строго глянув. Иногда Юлю умиляло и удивляло настойчивое желание родителей её мужа продолжать видеть в нём несмышлёного ребёнка, контролировать его, а после удивляться, узнав, что он что-то способен сделать без их ведома и согласия. Вот как сейчас. Не положено Сене интересоваться старшим братом, так зачем он об этом говорит?

Арсений же спокойно пожал плечами.

– Все об этом знают. Все знают, когда она едет его навещать. За ней приезжает машина, и она же её потом привозит обратно. Шофёр даже сумки с продуктами в дом заносит.

Николай Васильевич у окна зло усмехнулся.

– Буржуем заделался. Высоко взлетел, думает.

На злопыхательство отца Арсений внимания не обратил, и продолжил:

– Я к тому, что я могу с Игнатом поговорить. Мы никогда с ним не ссорились, насколько помню. Возможно, ему этот дом и не нужен совсем.

Родители устремили на сына изумлённые взгляды, Алевтина Ивановна, казалось, сейчас вскочит со своего места и бросится на сына, чтобы закрыть того грудью, на случай, если его старший брат вздумает лишь взгляд на него перевести. Но вместо этого она лишь постучала пальцем по столу, грозя.

– Не вздумай. Слышишь? Не вздумай общаться с этим бандитом! Ничего хорошего от этого не будет! Он отца чуть в могилу не свёл своими выходками. Сына гробить я ему не дам!

Юля наблюдала за происходящим в некотором замешательстве. Если честно, она и сама хотела посоветовать мужу встретиться с братом на нейтральной территории и обсудить сложившееся положение вещей. Это было бы правильным, логичным поступком. В конце концов, прошло достаточно много лет с тех пор, как Игнат покинул город и перестал общаться, точнее, даже случайно встречаться с Тетерины́ми. Скорее всего, у него давным-давно другая жизнь, и он не думает о прошлых обидах. Может быть, мечтает о встрече и разговоре с отцом и братом, и полученное наследство мог-

ло бы послужить толчком, отправной точкой для того, чтобы начать налаживать отношения. И, возможно, старый особняк в маленьком городке ему, на самом деле, ни к чему, особенно, если он человек обеспеченный. Но Тетерины, кажется, были другого мнения, и не собирались идти ни на компромисс, ни, тем более, на примирение. Складывалось впечатление, что они и, правда, боялись этого Игната, на что Люба ей совсем недавно и намекала. Глупость какая-то.

Вечером не спалось. Близилась ночь, за окном совсем стемнело, а Юля сидела в постели, понимая, что сон к ней не идёт, хотя, день выдался суматошным. Весь день крутилась, как белка в колесе, можно сказать, что одна, потому что все остальные были заняты переживаниями и давними семейными дрязгами. И поневоле в Юле начало зарождаться то же беспокойство, в душе поселилось ожидание чего-то нехорошего, опасного. Сеня после ужина устроился в спальне за компьютером, играл в какую-то войнушку, не отрывал взгляда от экрана, а Юля сидела на постели, сложив руки на груди, и на мужа посматривала. Всё вспоминала разговор за столом.

– Странно получается, – проговорила она в конце концов, намеренно повысив голос, чтобы муж обратил на её слова внимание, оторвавшись от увлекательной игры.

Арсений от игры отвлёкся, но не настолько, чтобы повернуть голову и на Юлю посмотреть. Только переспросил:

– Что?

– Между нами и большим городом всего тридцать километров. Неужели ты ни разу не встретился с Игнатом за столько лет? Даже случайно?

Сеня равнодушно пожал плечами.

– У нас с ним разные интересы и разные дороги. Так всегда было. Где нам встретиться?

– Но он же твой брат, – удивилась Юля.

Арсений всё же обернулся на неё через плечо, взгляд, который он на жену бросил, был довольно выразительным.

– Во-первых, это никем не доказано, что мы братья. А, во-вторых, почему я должен отвечать за косяки моего отца? Он никогда Игната не признавал, и общаться с ним и с его матерью не хотел, так с чего бы мне питать к Игнату родственные чувства? Свалил он из города десять лет назад, и слава богу. Мы жили спокойно. От Игната сплошные неприятности. Что он в очередной раз и доказывает. Снова всё летит к чертям, стоило всплыть его имени.

– Но ты же собирался с ним поговорить, предлагал родителям…

– Я знал, что они запретят. Но если бы и не запретили, – Арсений вдруг призадумался. – Что ж… Может, и встретился бы, поговорил. Чем чёрт не шутит.

Сеня снова повернулся к компьютеру, а Юля некоторое время молчала. Знала, что её беспокоило.

– Николай Васильевич сильно рассчитывал на это наследство, Сень.

– Знаю. Хотел крутую гостиницу в центре города открыть.

Это на самом деле было так. Но беспокоил Юлю не сам факт рухнувших планов, а то, что на реставрацию и переделку старого дома необходима была крупная сумма денег, а, как она подозревала, в наличии у Тетериных её не было. Её необходимо было где-то взять, быть готовым начать ремонт немедленно, до наступления осени. В общем, свекор на фоне своих наполеоновских планов вполне мог совершить какую-нибудь глупость, например, влезть в долги, в надежде расплатиться после открытия гостиницы. А теперь все надежды рухнули. Не зря же он так нервничает и переживает.

– Отец тебе что-нибудь сказал? – осторожно поинтересовалась она у мужа.

Арсений недовольно выдохнул, видимо, она мешала ему сосредоточиться своими вопросами.

– Сказал, что бабка его и с того света достала, – проговорил он, скорее даже проворчал, и следом махнул на Юлю рукой, прося ему не мешать.

Она мешать больше не стала, сползла на кровати вниз, легла и вздохнула. А подумала почему-то о бабе Клаве. Со дня её смерти прошло полгода, но поверить до сих пор было трудно. Казалось, что она всё ещё в своём доме, бродит по нему, как хранитель великих сокровищ, проверяет надёжность замков на кованых сундуках, и раздумывает, кого одарить наследством Тетериных, а кого оставить с носом. И непременно посмеивается, думая, как сейчас мучает-

ся и негодует Николай Васильевич.

Не стоило Клавдию Поликарповну к ночи поминать, вот она Юле и приснилась. Довольная, улыбающаяся и совсем не старая, не смотря на все свои морщины. Баба Клава пила чай из фарфоровой чашки с розочками, сидя у себя на кухне, и на Юлю хитро посматривала. И когда начала смеяться, Юле даже во сне вдруг стало жутко, она вдруг осознала, что весёлой старушки на кухне быть не должно, а баба Клава тем временем воздела руку вверх, устремила палец в потолок и сообщила:

– Всё по справедливости. Всем по заслугам.

И исчезла. Как облачко или пар от горячего чая. А Юля осталась на кухне старого дома одна, оглядываясь в растерянности. Потом глаза открыла, поняла, что это был лишь сон, и вздохнула с облегчением. В доме было тихо, за окном пели птицы, Юля перевела взгляд на часы, потом на спящего крепким сном мужа. Сеня никогда не просыпался раньше девяти утра. Для него и девять утра – это раннее-раннее утро. А вот Юля могла вскочить в шесть, и чувствовать себя при этом бодрой и готовой к подвигам. Вот и сегодня, под впечатлением о диковинном сне, она ещё немного полежала, прижимаясь к спине мужа, говоря себе, что это показатель их нежных отношений, затем поцеловала Сеню в голое плечо и осторожно выбралась из постели. На часах начало седьмого.

– Ты что так рано поднялась? – поинтересовалась у неё

свекровь, застав Юлю через полчаса у плиты. Та пекла блины, причём торопилась.

– В город поеду, – сообщила она Алевтине Ивановне. – Надо родителей навестить. Сейчас завтрак доготовлю, как раз успею на автобус.

Алевтина Ивановна не слишком обрадовалась её планам на этот день, её губы недовольно поджались, свекровь не смогла этого скрыть, но спорить не стала. Отъезд Юли означал, что сегодня Алевтина Ивановна сама следит за всем в гостинице и занимается гостями. Но Юля не выбиралась в город уже дней десять, не видела родителей, и запрещать ей было неправильно. Но Алевтина Ивановна всё же спросила:

– Ты Сеню предупредила, что поедешь?

– Да, – соврала Юля, глазом не моргнув. Знала, что если свекровь у сына и поинтересуется, тот вряд ли вспомнит, говорили они об этом вечером или нет.

Иногда выбраться из дома, из-под бдительного ока родителей мужа, было приятно. Казалось неким приключением. Юля ехала в автобусе в город, смотрела в окно и дышала полной грудью. Знала, что совсем скоро это ощущение внезапной свободы её покинет и к вечеру она уже успеет по Сене соскучиться, но сейчас наслаждалась тем, что была предоставлена самой себе.

Город встретил шумом машин, загруженностью дорог и мелким дождиком. Юля открыла яркий зонт, оказавшись на остановке, и поспешила через дорогу. Шла знакомой

с детства улицей, мимо домов и дворов, в которых когда-то знала каждую клумбу и качели. До замужества она всю жизнь прожила на этой улице. Ходила в садик через дорогу и в школу за углом, здесь жили её одноклассники и друзья. Некоторые, кстати, до сих пор живут. Обычно по дороге к дому родителей Юля обязательно встречала знакомых, останавливалась поболтать и поделиться новостями. Почему-то все знакомые, особенно женского пола, были уверены, что она очень удачно вышла замуж, и живёт едва ли не в особняке, под крылом обеспеченного мужа. Наверное, Юля сама была виновата в этой дезинформации, никогда не пыталась никого переубедить. Всё-таки жить в большом доме в старинном городке, в семье, которая имеет собственный гостиничный бизнес, считалось весьма солидным. Не объяснять же всем, что пышная свадьба с каретами – это не показатель обеспеченности, а гостиничный бизнес, даже такой маленький, как у Тетериных, требует большого труда, причём не сидения на ресепшене, а настоящего труда, с бесконечной готовкой и уборкой за постояльцами. Это только со стороны всё красиво, а правду мало кто знает. Но правду Юля редко кому говорила. Даже родителей старалась успокаивать, сочиняла про штат горничных, а свою тягу к плите объясняла чересчур спокойной семейной жизнью, в которой она ищет отдушину.

Родители были недовольны её решением уйти с работы и посвятить себя семье. Владимир Иванович и Светлана

Александровна не были столь непримиримы в плане семейных условностей, они были современными людьми с широким кругозором, совершенная противоположность родителям Арсения. И дочь старались воспитывать личностью разносторонней, никогда не ограждали её от жизненных неурядиц, не ограничивали свободу, даже в попытке уберечь от чего-либо, и, наверное, поэтому, за два года брака детей, так и не смогли найти общий язык с Тетериными. Встречались, собирались за одним столом редко, пару раз в год, и то, семейные посиделки всегда проходили несколько скомкано, все чувствовали себя неловко. Родители Юли оба из преподавательской среды, Владимир Иванович был деканом экономического факультета в местном университете, и поэтому он был так сильно недоволен и до сих пор переживал из-за того, что Юля оставила профессию, позабыла о своём дипломе, с головой уйдя, как он считал, в черновую работу. Мама Юли, Светлана Александровна, окончив в своё время литературный факультет педагогического института и проработав больше десяти лет в школе, теперь заведовала самой большой в городе библиотекой. Человек начитанный и интеллигентный, который, по её же признанию, совершенно не знала, о чём разговаривать с матерью и бабушкой зятя. Родители Юли не любили сидеть долго на одном месте, обожали путешествовать, уезжали за границу минимум дважды в год, присылали фотографии и делились с дочерью впечатлениями от увиденного. И, конечно же, Юля понимала, что

для неё они хотят того же – бесконечного развития, приключений, взрыва эмоций. Что сами так ценят в жизни. А выбор дочери для них непонятен, и этим она их сильно волнует. Отец откровенно считал её семейную жизнь рутиной. Юля несколько раз пыталась доказать ему обратное, но как-то не получалось. Каждый раз она сбивалась на рассказ об их с Сеней любви, и дальше разговор не шёл. А самой Юле не нравилось думать о том, что их с Сеней семья – ничем непримечательна. Она ведь так старается…

Несмотря на то, что её родители и родители Арсения были близки по возрасту, их разделяло всего несколько лет, с первого взгляда можно было подумать, что между ними разрыв в десятилетие, а то и больше. Юля невольно отмечала это каждый раз, как видела их вместе, за одним столом. Её родители выглядели моложаво, особенно отец, стильно одетыми, положение и работа обязывали следить за собой и своим внешним видом, но самое главное, её мама и папа всегда улыбались. А Тетерины почти всегда хмурились и были чем-то бесконечно озабочены. Юля помнила, что, когда Арсений только познакомил их, привёл Юлю в дом, она от серьёзной атмосферы и тяжёлых взглядов несколько растерялась. Но следом ей начали объяснять, кто же такие Тетерины, и какая ответственность на них всех лежит. Что их семья, их имя у всех на слуху, и началось это не вчера, а больше века назад, и нужно понимать важность и необходимость оставаться правильными и порядочными людьми, придер-

живаться определённого жизненного уклада и не забывать об условностях, особенностях жизни в маленьком городке, где все друг друга знают.

– Это в городе все порхают, – любил говорить, а точнее ворчать Николай Васильевич. – Всем на всех наплевать, никакой морали. А здесь в тебя каждый может пальцем ткнуть, и никто уже не забудет, как ты оступился. В деревне ты у всех на виду.

Судя по последним событиям, говорили Тетерины так с высоты своего негативного опыта. Успели наделать ошибок, особенно Николай Васильевич, вот и продолжает опасаться, старается очистить репутацию. Теперь Юля это понимала.

– Как дела? – спросили её родители, когда Юля появилась у них как раз к завтраку. Никакой тебе каши, пирогов или блинов. Родители предпочитали завтракать по-европейски, омлет, тосты с маслом, обязательный стакан апельсинового сока, и позже кофе, который папа всегда варил сам, не доверяя жене, и гордясь своими талантами.

– Дела нормально, – отрапортовала Юля. Расцеловала родителей и налила себе сок. Улыбнулась широко, чтобы никто не усомнился в её искренности. – Соскучилась по вам, вот и приехала с утра пораньше.

– Конечно, по нам она соскучилась, – не поверил Владимир Иванович. – Настолько, что появилась за десять минут до того, как мы на работу с матерью отправимся. Так и ска-

жи, что у Милки сегодня выходной, вот ты и примчалась с подружкой поболтать.

– Ладно, Вова, дай девочке от семейной жизни отдышаться. Вечером её из дома всё равно не выпустят.

В словах матери слышался откровенный намёк, но Юля предпочла сделать вид, что его не заметила. Пила сок и продолжала улыбаться. Всё-таки родители думают, что её новые родственники домашние тираны. Причём, Сеню они таковым не считали, это мнение относилось именно к его родне. И как этот стереотип в родителях перебороть, Юля не знала.

Вскоре родители уехали на работу, Юля же зашла в свою комнату, в которой, кстати, со времён её незамужней жизни совсем ничего не изменилось. Зашла совсем ненадолго, несколько минут полежать на своей постели и заглянуть в огромный шкаф со своими вещами. В нём до сих пор висели платья, костюмы, красивым рядом стояли туфли на шпильке, но как-то так получилось, что с некоторых пор все они были позабыты, и у неё не находилось особого повода всё это носить. В рестораны Сеня её не приглашал, к родственникам вычурно наряжаться было непринято, а ведь когда-то Юля жить не могла без каблуков. Работала в банке и целый день, до гудящих ног, бегала на каблуках, мечтала их вечером снять, но всё равно любила все свои туфли. Лучшим подарком для неё на любой праздник считались отличные туфли, папа об этом знал, и никогда на дочери не экономил. Кто бы мог подумать, что Юлина жизнь внезапно из-

менится так сильно, что она позабудет, что такое высокий каблук и городская суета.

Милка, её подружка с детского сада, жила двумя этажами ниже. Сколько Юля себя помнила, столько они с Милой были знакомы. Вместе копались в песочнице, потом пошли в детский сад за руки и в красивых платьицах. Вот только у Юли платье всегда было чистое, а у Милки вечно в каких-то пятнах. Её мама, Анна Павловна, всегда удивлялась и сердилась на то, что её дочка, куда бы ни отправилась, обязательно найдёт и притащит в дом какую-нибудь грязь. Со временем, когда Мила достаточно повзрослела, это определение перешло с пятен на одежде на Милкину личную жизнь, и по этому поводу Анна Павловна не уставала сокрушаться и вздыхать. Повзрослев, Мила превратилась в респектабельную женщину, можно сказать, в предпринимателя. В какой-то момент своей жизни, наверное, не совсем осознанный, взяла и предприняла неимоверное усилие над своей ленивой натурой, и организовала, открыла, обустроила, назовите, как хотите, салон красоты. При том, что сама ни разу ногти самостоятельно не накрасила, всегда просила об этом Юлю. Но с организаторскими способностями у Милки всегда был полный порядок, вот она и занялась любимым делом – всё организовывать и всеми командовать, и вот уже третий год этим с упоением занималась. В её салоне трудилось три парикмахера, две маникюрши и якобы косметолог без ясного образования. А с недавних пор Мил-

ка бредила обустройством инфракрасной сауны и требовала от всех найти для неё достойного массажиста. Лучше мужчину, лучше красивого, высокого и с сильными руками. Его услуги точно станут пользоваться спросом у клиенток.

– У тебя салон красоты или вертеп? – удивлялся её старший брат.

Кстати, брат у Милки был классный. Юля искренне считала, что Женька – идеал мужчины. Обладатель спокойного нрава и мечтающий о семье и детях. Такого мужчину ещё поискать. А он всё почему-то ни у кого не находился, так и сидел в свои тридцать лет дома, исправно и вовремя приходя вечерами с работы, готовя ужин для себя и младшей сестры, и тем самым заставляя переживать Анну Павловну ещё больше. Та была уверена, что её детей кто-то сглазил. Даже квартиру освятила, дважды. Какие-то подушечки с травами по углам разложила, каждое окно под бормотание то ли заклинания, то ли молитвы перекрестила, а когда её терпение и нервы закончились, уехала к сестре в деревню, оставив взрослых детей проживать одних, и только попросила сообщить, когда возвращаться, чтобы нянчить внуков. Обратно её пока никто звал, вот уже третий год, внуков никак не намечалось. Милка строила бизнес, а Женька карьеру, трудясь главным менеджером в компании по установке элитных дверей. От него Юля в своё время и узнала, что двери тоже могут быть элитными, а не только жильё и автомобили. А, вообще, если говорить совсем честно, то Юля знала, почему

Женька, со всеми его положительными качествами, не торопится жениться. Он с давних пор, наверное, ещё с их общей юности, был влюблён в неё. Это ни для кого не было секретом, но ей самой казалась очень странной сама мысль о том, чтобы встречаться с братом подруги, пусть и старшим братом. Но она же помнит Женьку совсем мальчишкой, со всеми его детскими чудачествами, фантазиями, подростковыми прыщами и первой сигаретой за углом дома. Помнит, как они с Милкой бегали за ним хвостом, выслеживали, а потом мчались к родителям, чтобы рассказать страшную правду – Женька курит. А после получали от него настоящего пенделя. И после всего этого представить их хотя бы целующимися, Юля никак не могла. А Женька, кажется, до сих пор страдал из-за того, как внезапно Юля встретила свою любовь, выскочила за Сеню замуж и улетела из родного гнезда. Мила по секрету говорила, что брат уже полгода даже на свидания не ходит, а последняя его пассия, по имени Ксюша, оказалась совершенной дурой, и до сих пор ему названивает.

– Что плохого в том, что названивает? – удивлялась Юля. – Может, любит?

– Не нужна нам эта корова. Она ни разу завтрак сама не приготовила.

Юля, не скрываясь, усмехнулась.

– Ты тоже.

– Знаешь что!.. – тут же возмутилась подруга. – Я ему сестренка младшая, он обязан обо мне заботиться, а она по-

ка никто, не жена. Вот вышла бы ты за Женьку замуж, может, тоже бы никогда готовить не стала. А теперь вот умирай у плиты, корми своего Сенечку.

– Я не умираю, – миролюбиво возразила Юля. – Мне нравится готовить. И Сенечку кормить нравится.

Мила сокрушённо покивала.

– Да, любовь – коварная штука. Нужно быть очень осторожной.

– Ты чересчур осторожна, – сказала ей тогда Юля.

А сейчас вот настойчиво названивала в дверной звонок подружкиной квартиры. Правда, открыла ей не Мила, а Женька, заспанный и всклокоченный. Юля явно подняла его с постели, и любой другой человек если и не разозлился бы на неё, то возмутился, но Женька заулыбался спросонок и пошире распахнул дверь квартиры.

– Юлька, ты приехала!

– Приехала, – сказала она, не дожидаясь официального приглашения и протискиваясь мимо Женьки в прихожую. Скинула с ног босоножки и прошла на кухню. – Где Милка?

– Отсыпается. – Женька тоже зевнул во весь рот. – Явилась в два часа ночи, опять где-то тусила, – сдал он младшую сестру, и, судя по взгляду, ожидал от Юли поддержки и праведного возмущения. Но Юля лишь плечами пожала.

– Она свободная женщина.

– Как же, свободная, – фыркнул братик. – Сам видел, как за ней на днях Антон заезжал.

Юля глянула с любопытством.

– Она его простила?

– Чёрт их разберёт.

Антон Хабаров, кажется вечный Милкин ухажёр, учился с ними в одной школе. Антон был ровесником Жени, они даже учились в начальных классах вместе, но затем, как-то так вышло, Антон уверял, что всё это козни со стороны педагогического совета, он от сверстников поотстал, как раз на два года. И получилось, что одиннадцатый класс он заканчивал уже с Юлей и Милой. Догадайтесь почему.

Потому что Хабаров был лентяй и хулиган. И дважды оставался на второй год. Но что самое странное, так это то, что его не выпроводили из школы после девятого класса, хотя, очень хотели. Директор, кажется, даже плакала, когда ей не удалось избавиться от сей легендарной личности. Хабаров хулиганил и ленился, но при этом он был очень настырным и далеко не глупым парнем. И, по правде говоря, учёба давалась ему легко. Настолько легко, что ему становилось скучно, и Антон предпочитал проводить время где-то ещё, а не в классе на уроках. Но стоило ему взяться за ум, знания из него начинали литься потоком, и учителя лишь разводили руками и вынужденно ставили ему приличные оценки. Вот так Хабаров и оказался в десятом, а потом и в одиннадцатом классе. Как-то случайно, просто отвлёкся в своё время, и немного подзадержался в детстве, как любила говорить его мама, Любовь Константиновна.

Мама у Антоши была замечательная, добрая, улыбчивая, сколько Юля себя помнила, тётя Люба торговала пирожками на рынке. Замечательная из неё вышла бы свекровь, Юля подруге на это не раз намекала, на что Милка с готовностью отвечала, что свекровью она бы обзавелась, без проблем, а вот муж, особенно такой безответственный тип, как Хабаров, ей совершенно ни к чему. Их бесконечный роман длился уже лет десять, они сходились и расходились, Антон даже предпринял попытку жениться, правда, из неё ничего толкового не вышло, и вот, видимо, он снова возник на Милкином горизонте. А она села в его машину, её никто снаружи не заталкивал, хотя, в день Антошкиной женитьбы полтора года назад, Милка топала ногами и клялась, что больше ни за что и никогда.

– Что хочешь на завтрак? – спросила Юля Женю, открывая холодильник.

– Гренки. Я молоко купил.

Гренки, так гренки.

Милка появилась на кухне на запах еды. Остановилась заспанная в дверях кухни и грустно глянула на подругу, что стояла у плиты. Спросонья Милка всегда грустила, семейная черта. Женька тоже бодрым никогда по утрам не выглядел.

– Что тебе спокойно не живётся? – пожаловалась Мила, опускаясь на стул у окна. Подперла подбородок рукой. – Рань такая.

– Это у тебя рань, а у меня уже половина дня прошла.

– Деревенская жизнь людям не на пользу, всегда тебе говорила. Надо больше спать.

– Говорят, ты не слишком много спишь, – заметила Юля с лёгким ехидством. – Говорят, гуляешь по полночи.

– Не верь злым языкам, – отозвалась Мила, придвигая к себе чашку с горячим кофе и дуя на него. – Все завидуют.

– Я не завидую беспорядочной личной жизни людей, – высокопарно проговорил Женя, вновь появляясь на кухне. Умытый, побритый и бодрый.

Мила кинула на брата многозначительный взгляд.

– А надо бы. Останешься старой девой.

Женька едва ощутимо тюкнул сестру по темечку и присел за стол напротив неё. Перед ним тут же возникла чашка с кофе и тарелка с гренками. Мила продолжала наблюдать за происходящим грустным взглядом, который потом перевела на подругу. Глянула серьёзно и изрекла уже привычное:

– Мне за тебя страшно.

Юля же браво улыбнулась. Если честно, смеялась именно над собой.

– Сама чувствую, что семимильными шагами приближаюсь к званию идеальной жены.

– Только тебе орден никто не даст. Секрет тебе открываю.

Женька уплетал гренки, а Юля присела на край широкого подоконника у него за спиной. На подругу смотрела.

– Говорят, Хабаров каяться приходил, – сказала она.

Мила послала брату гневный взгляд, а в ответ на вопрос

подруги, якобы равнодушно пожала плечами.

– Мне всё равно.

– И, скажешь, что не с ним отдыхала вчера?

Мила сдвинула брови, задумалась, после чего выдала:

– Он мне должен.

– Ничего он тебе не должен, – возмутился Женя, который с Антоном, кстати, с детства дружил. Вот такая Санта-Барбара российского спального района. – Он женился через год, как вы расстались. Ты с ним даже не разговаривала.

– Откуда тебе знать, с кем я разговариваю?

– Я знаю.

– И что? Пусть не разговаривала. – Мила расправила плечи и напустила на себя побольше высокомерия. – Он все равно виноват. Выбрал себе в жёны блондинку, совершенную дурочку. Хотя, знает, что я таких терпеть не могу.

– Да, с тобой не посоветовался, – съязвил Женя, за что получил пинок по лодыжке под столом.

– Жень, оставь её сердечные дела в покое, – посоветовала ему Юля. – А то останешься инвалидом, а все равно ничего не поймешь.

– Вот это точно.

Мила на неё посмотрела.

– А у тебя что нового? Примчалась с утра раннего. Сбежала, что ли?

– Почти, – призналась Юля и вздохнула. Женька тут же обернулся через плечо, глянул на неё с интересом и, навер-

ное, с каплей надежды, Юля приказала себе не вглядываться в его глаза. – Дома совершенный ужас.

И рассказала друзьям про несбывшееся наследство бабы Клавы.

– Ух ты, – хмыкнула Мила. – У Сени есть брат. Потайной.

– Тайный, – поправил сестру Женя.

– Скорее уж, нежеланный и нелюбимый, – сказала Юля. – И все его боятся, даже свёкор. Что очень странно, никогда не видела, чтобы он так нервничал.

– Как, ты говоришь, его зовут?

– Игнат Кудепов, – произнесла Юля имя незнакомого человека. Усмехнулась. – Люба говорит, он бандит.

– Бандит? Не представляю себе брата Сенечки бандитом. Сразу глазки невинные видятся, и ресницы длинные. Хлоп-хлоп, я хороший мальчик.

Юля кинула на подругу укоризненный взгляд. Милка примолкла, но всё равно усмехнулась. А потом предложила:

– Можно про него в городе поспрашивать.

– У кого? – удивилась Юля. – У тебя бандиты знакомые есть?

– Бандитов нет, а в полиции знакомые есть.

Юля не на шутку призадумалась, если честно, была совсем не против разжиться хоть какой-то информацией, но, в то же время, возникал резонный вопрос:

– А зачем мне это надо?

– Чтобы быть готовой к приезду родственника, – логич-

но ответил Женя. Доел гренки и широко Юле улыбнулся. Широко и совершенно счастливо. Она засмотрелась в его голубые глаза, но, если честно, думала в этот момент совсем о другом. В конце концов, кивнула, соглашаясь.

– Хорошо, поспрашивай.

ГЛАВА 3

Признаться, об этом разговоре с друзьями Юля позабыла уже к вечеру. Не придала серьёзного значения. Ну, о чём можно спрашивать, узнавать? У кого? У них ни одного достойного знакомого для подобных расспросов не было, как бы Милка не важничала. Да и Юлей двигало банальное любопытство, никакой пользы для себя от дополнительных знаний об Игнате Кудепове она бы не вынесла. Поэтому просто выбросила эти мысли из головы. Обсудила с друзьями постигшую семью мужа неудачу, то, что новой гостиницы у них, по всей видимости, теперь не будет, искренне повздыхала по этому поводу, но Милка лишь пренебрежительно фыркнула по поводу её грусти и посоветовала не становиться мещанкой по примеру новых Юлиных родственников. Надо сказать, что подруга родителей Сени терпеть не могла, и скрывать у неё своё отношение никак не получалось, поэтому и в гости, в дом Тетериных, не приезжала, ограничилась двумя визитами ещё в начале Юлиной семейной жизни, после чего сообщила, что «уж лучше вы к нам».

– Мне не нравится, когда мне смотрят в затылок взглядом полицая, – сказала она тогда. – А твоя свекровь именно так и поступает. Будто я тебя развращаю.

– Вообще-то, – усмехнулась Юля, сидя на перекладине забора и качая ногами, – развращаешь. Ты меня и курить на-

учила, и вино пить. А мне тогда было всего шестнадцать.

– И что? – удивилась Мила. – Мне тоже было шестнадцать. И, заметь, все были довольны. И мы с тобой выросли умницы и красавицы, а сейчас я чувствую себя так, будто в моей голове без спроса копошатся, и все эти воспоминания наружу вытаскивают. По всей видимости, твои новые родственники крайне недовольны тем, что в жёны их сыну не девственница досталась.

После этих слов Юля невольно нахмурилась, пожурила подругу:

– Что ты говоришь?

– Правду! – Они сидели в саду дома Тетериных, кругом всё чисто и обустроено под дворянский быт, и вот тогда Мила впервые и выдала: – Мещане несостоявшиеся. Я, когда в этом доме нахожусь, у меня чувство, будто мы на сто лет назад отъехали, и сейчас меня розгами пороть начнут. А ты на них работаешь, как служанка.

– Я не работаю, Мила, – попыталась донести до подруги истину Юля. – Я пытаюсь помогать. Хотя бы тем, что умею, что у меня получается. – Она понизила голос и фыркнула со смеха. – Никогда не думала, что умею я так мало.

– Конечно, за постояльцами кровати заправлять, это не в банке карьеру делать. Тут, конечно, талант нужен, чтоб ни складочки!..

– Прекрати. И говори тише. – Юля, на самом деле, испугалась, что их услышат. За три месяца в доме мужа, она ещё

не успела до конца привыкнуть, и постоянно боялась сделать что-то не то, и кого-то расстроить или разочаровать. И без того чувствовала, что за ней приглядывают и к ней присматриваются. То свекровь, то бабушка мужа.

– Послала бы ты их куда подальше с их постоялым двором, и заставила бы Сеню в город перебираться.

– У нас нет лишних денег, чтобы снимать квартиру, ты же знаешь. А с моими родителями он жить не хочет.

– Зато ты всю жизнь мечтала жить с его родителями, вернуться в крепостное право. Пусть работу нормальную найдет, а не у мамы с папой под боком сидит.

Что-либо объяснять было бесполезно, Милка отказывалась понимать принятую Юлей позицию, а у той, если честно, не было достаточно доводов для того, чтобы подругу убедить в своей правоте. Наверное, потому, что Юля не была уверена, что она права, что поступила правильно, уйдя с престижной работы и осев дома. Но она приняла решение поддержать мужа и поступить так, как хочет он и его родители, чтобы не начинать семейную жизнь со скандала. Просто Юля любила мужа, на тот момент настолько сильно, что всё остальное в жизни не казалось важным. Всё можно было пережить, лишь бы быть вместе.

А сейчас говорить о правильности её поступков двухлетней давности, было поздно. И бессмысленно. Семья Тетериных, с их проблемами, заботами и гостиничным бизнесом – это и есть Юлина жизнь, потому что она теперь тоже

часть этой семьи. Между прочим, она довольно долго к этому шла, старалась, порой боролась с самой собой. Ей очень хотелось перестать быть чужим для них человеком, пришлой невесткой из города. Это на самом деле было странно, особенно вспоминая слова Милы, но Юлю долго в глаза и за глаза называли городской, с какой-то особой, пренебрежительной интонацией. Она не понимала до конца, что это значит, но старалась, старалась стать для всех своей и понятной. А ещё найти в своей новой жизни что-то позитивное для себя самой. На это потребовалось довольно много времени.

А вот с младшей сестрой Арсения, Лерой, ситуация сложилась обратная. Та вышла замуж за городского, и уехала жить к мужу, в большой город. И этот факт, непонятно для Юли почему, статус золовки повысил. О её замужестве все говорили едва ли не с завистью. Хотя, завидовать, по большому счёту, опять же, по мнению Юли, было нечему. Да, Лера переехала жить в город, и они с мужем, Аркашей, жили отдельно, в небольшой двухкомнатной квартирке, что досталась ему от бабушки, но на этом все привилегии и заканчивались. С работой у обоих было не очень хорошо, Аркаша работал продавцом электроники в сетевом магазине, а Лера и вовсе кочевала с работы на работу. Считалось, что ей не везёт с работодателями, а вот Юля склонялась к мысли, что золовка работать попросту не желает, да и характер имеет вредный и неуживчивый. А сейчас и вовсе, судя по разговорам между свекровью и бабушкой мужа, собралась в де-

крет. Если и собралась, то не скоро. Тесных, дружеских отношений у Юли с Лерой не получилось, делиться сокровенным Лера бы не стала, и о факте беременности Юля точно не знала, но, опять же склонялась к мнению, что Валерии просто-напросто надоело бегать в поисках очередного места работы. А так можно с чистой совестью пересидеть пару лет на шее родителей, которые и без того молодую семью, можно сказать, содержали. Свекровь без конца ездила в город, помогать дочери, везла сумки с продуктами, всё свеженькое с огорода и наготовленное на родной кухне, и Юля подозревала, что и по хозяйству дочери помогала. Лера с Аркашей появлялись в родительском доме раз или два в месяц, всеми силами демонстрируя свою усталость и загруженность городской жизнью, и после вкусного обеда или ужина отправлялись отдыхать. А Лера ещё не забывала заметить, специально для жены брата, как она тяжело в городе работает, а вот ей, Юле, крупно повезло, сидит у мужа на шее и изображает домохозяйку. Юлины труды у плиты и в гостинице, работой у Леры не считались, и заслуги не признавались. Поначалу было обидно, Юля даже мужу пыталась жаловаться, но Арсений лишь отмахивался и говорил:

– Это же Лерка. Кому какое дело, что она говорит? Пусть мама ею занимается.

Получалось, что всерьёз слова Валерии принимала только сама Юля. Вот и посоветовала себе в какой-то момент не обращать внимания. Пусть теперь городской побудет золовка.

Ведь как бы Лера не жаловалась на усталость и занятость, она собой явно гордилась. И замужеством, и городской жизнью.

Вот и сегодня, вернувшись домой, Юля застала на кухне семейную идиллию. Точнее, не так, семейный совет. За кухонным столом собрались все Тетерины, включая Аркашу, который сидел с кислой физиономией и ел яблочное варенье, которое Юля сварила специально для постояльцев, с апельсиновыми корочками. А Аркаша его ел и чай прихлёбывал. Лера же гневно сверкала глазами, слушая родителей, и понятно становилось, что обсуждали они сорвавшееся наследство. На появление Юли даже внимания никто не обратил. Только Арсений улыбнулся и схватил жену за руку. Юля потрепала мужа по волосам и присела рядом.

– Нужно что-то делать, подать в суд, – сказала Лера, по всей видимости, уже не первый раз. На родителей взглянула с призывом, но те уже ни на какие призывы не откликались. По всей видимости, без дочкиной подсказки уже обдумали все возможные варианты.

– Ходила я к Ольге, – вдруг сказала Мария Степановна и шумно вздохнула. Посмотрела на сына и невестку, которые устремили на неё ястребиные взгляды. – Не спала всю ночь, думала, и решила пойти. Поговорить хотела.

– И что она тебе сказала? – будто выдавил из себя Николай Васильевич.

– Ничего не сказала. – По всему виду Марии Степановны было видно, что она недовольна. – В дом, правда, пусти-

ла, даже чаю налила. А про наследство говорить отказалась. Не моё, говорит, это дело. Как баба Клава решила, пусть так всё и будет.

Алевтина Ивановна, после слов свекрови, рассмеялась. Правда, зло и неприятно.

– Как же, всё равно ей! Она всё и устроила, старуху уговорила, ради сыночка старалась!

А Мария Степановна продолжила:

– Приедет, говорит, Игнат, и всё решит, со всем разберётся.

– Да уж, он разберётся. Этот дьявол только разбираться и умеет, разборки бандитские устраивать!

– Аля, угомонись ты уже, – одёрнул жену Николай Васильевич.

Юля кинула украдкой взгляд на свёкра, и, наверное, застала его в особый момент, потому что таким она его никогда не видела. На какую-то долю секунды Николай Васильевич сник, запечалился, даже плечи его опустились, а рот прискорбно скривился. Неизвестно, о чём он в этот момент подумал или вспомнил, о старшем сыне или о его матери, но Юле он показался несчастным, но вот Николай Васильевич сделал вдох, расправил плечи, и на его лице снова появилась уверенность, недовольство, а губы мрачно поджались.

Когда все разошлись после ужина, Юля осталась, чтобы помыть посуду. Если честно, даже радовалась, что, хотя бы за этим делом останется одна, слушать и дальше про несбыв-

шиеся надежды и подлеца-брата, к тому же, не ясно брата ли, было утомительно и совсем невесело. И уж точно не хотелось оказаться на месте этого Игната, пусть и со всем наследством, доставшимся ему от бабы Клавы, чтобы тебе так перемывали кости. Даже слушать со стороны казалось неловким. По мнению Юли, уже пора было успокоиться и принять свершившееся, как факт. Да, остались неудел, но от льющегося яда ничего не изменится.

– Пить хочу, – услышала Юля за спиной голос Леры. Обернулась, глянула на сестру мужа. Та стояла и смотрела на неё, уперев одну руку в крутой бок. Надо сказать, что Лера была девушкой эффектной, даже красивой, но красота у неё была несовременная. Широкая кость, кровь с молоком, полная грудь и крутые бёдра. Этакая Моника Беллучи деревенского разлива. Пожив в городе, Лера стала одеваться более стильно, более продумано, перекрасила волосы в более светлый оттенок, а взгляд, и без того высокомерный, в последнее время попросту сбивал с ног. Юля, по мнению Леры, тоже должна была падать, но она почему-то не падала, никак не получалось. Вот и сейчас лишь кивнула в сторону намытых стаканов.

– Налей себе воды.

Лера, совсем как отец, очень похоже, поджала губы. Прошла за пустым стаканом к столу.

– Я не пью воду.

– В холодильнике есть компот.

Компот Лера себе налила, остановилась у стола, на Юлю посматривала.

– Ты в город ездила?

– Да, родителей навестить.

– На весь день? Они же работают.

Допрос начал раздражать.

– У меня были дела.

– Да, здесь у нас дел мало, вон что творится. А ты по городу мотаешься.

– От меня ничего не зависит, – сказала ей Юля. – И от тебя, кстати, тоже.

Лера тряхнула головой, как породистая кобылка. На лице упрямое выражение.

– Я найму адвоката.

Юля не удержалась от снисходительного смешка.

– Это бесполезно. Оспорить волю усопшего крайне сложно.

– Сложно? Она была сумасшедшей старухой!

– Надо было доказывать это при жизни бабы Клавы. Что она не в своём уме. Сейчас это нереально доказать. К тому же, ты что переживаешь? Баба Клава оставила тебе драгоценности.

Лера откровенно скривилась.

– Да, два кольца и брошку. Богатое наследство.

– Нужно сходить к оценщику. Думаю, это не просто бижутерия. Баба Клава её не уважала.

– Да какая разница? Что брошка, а что дом, набитый её сундуками! Чувствуешь разницу?

Юля лишь плечами пожала, а Лера продолжала обиженно сопеть.

– Я так надеялась, что нам достанется нечто посущественнее тарелок и побрякушек. Как мы с Аркашей будем жить в этой тесной двушке с ребёнком?

Юля повернулась к золовке, взглянула с интересом.

– Ты беременна? – решила удостовериться она.

Лера наконец улыбнулась, с гордостью, и руку на живот положила.

– Беременна. Третий месяц уже. Рожу родителям внука, ты-то не собираешься, судя по всему.

Тема была неприятная, Юля отвернулась, вытерла руки полотенцем и аккуратно расправила его на краю стола. А золовке сказала:

– Всему своё время. Мы с Сеней обсуждаем…

– Господи, Юля, – Лера откровенно фыркнула. – Мне иногда кажется, что ты не от мира сего. Кто такие вопросы с мужиками обсуждает? Сеня, пока ему сорок не исполнится, так и не вспомнит о том, что неплохо бы чадо родить. Так и будет в танчики играться. А ты – обсуждай с ним, обсуждай! – передразнила её Лера, допила компот, оставила стакан на столе и из кухни вышла. Точнее, выплыла, как пава. Юля стакан забрала, вымыла, хотя желание было бросить его на пол. Вдруг разозлилась на Леру, на её поучительный тон.

– Лера беременна, ты в курсе? – поинтересовалась она у мужа вечером, когда они оказались за закрытой дверью своей спальни. Сеня снова сидел к Юле спиной, перед экраном компьютера, и отвлекаться на её разговоры не желал. Но ей необходимо было с ним обсудить тему беременности его сестры. А, может, дело было не в его сестре, а в самом факте деторождения. Юля временами осторожно заводила этот разговор, в конце концов, они женаты уже два года, и совместная жизнь сложилась, быт налажен, чувства проверены, можно было бы и о ребёнке подумать. Но каждый раз в ответ она слышала, что им совершенно ни к чему торопиться, они молоды, и можно ещё подождать. Более подходящего времени. Ещё совсем недавно более подходящим временем было открытие ещё одной гостиницы, увеличение посредством этого уровня доходов и общей стабильности в семье, а теперь все планы рухнули, и чего ждать дальше – непонятно. А вот Лере никакая ситуация в семье не мешает, и родители её не отговаривают, наоборот, поддерживают, а Аркаша попросту помалкивает.

Сеня кивнул, не оборачиваясь.

– Да, мама сказала.

– И что ты думаешь?

– Я? – Муж крайне удивился. – Почему я должен об этом думать? Это не моя проблема.

– Ты считаешь, ребёнок – это проблема?

– А ты считаешь, что нет? Сплошное удовольствие?

Юля помолчала, таращилась мужу в затылок. Тот молчал, вновь сосредоточившись на игре.

– Сеня, ты совсем не хочешь детей?

– Почему совсем? Наверное, не совсем.

– Как это?

– То есть, не сейчас. – Арсений глянул на жену через плечо. Понял, что она чем-то недовольна, и скроил добродушную физиономию. – Юлька, перестань хмуриться, – попросил он. – Ты из-за Лерки, что ли, расстроилась?

– Я не расстроилась, – соврала она. – Но не понимаю, чего мы ждём.

– Ничего мы не ждём, – удивился Сеня. – Мы живём в своё удовольствие, пока ещё можем. Куда нам торопиться? Тем более, смотри, что происходит? Если сейчас ещё визги и памперсы добавятся, я окончательно рехнусь. Тебе совсем меня не жалко?

В чем именно Сеню необходимо пожалеть, Юля не понимала. Но понимала другое: что если муж не горит желанием иметь ребёнка, то ничего хорошего из призыва Леры поставить его перед фактом, не выйдет. А хотелось, чтобы всё было взаимно. И радость, и ожидание, и желание заботиться о маленьком человечке. А Сеня, судя по всему, ещё до этого не дозрел. Муж вернулся к игре, Юля наблюдала за ним, с каким азартом он жмёт на кнопки клавиатуры, и понимала, что ей остаётся только гадать, когда Сеня повзрослеет настолько, чтобы захотеть воспитывать наследника.

Ещё один день закончился в режиме ожидания. Ожидания чего-то большего, каких-то перемен, непременно позитивных, которые совсем скоро наступят. А пока они не наступили, и без того есть, чему порадоваться, например, каждому волшебному утру, солнцу, пению птиц и блеску колоколов соборов за рекой. Юля каждое утро стояла на берегу реки и впитывала в себя чувство покоя и умиротворённости, несколько минут тишины и созерцания. В попытке осознать, что она здесь счастлива.

– Юля, завтрак!

– Иду, – отозвалась она на голос свекрови.

– У нас новые постояльцы, приехали поздно вечером. Двое взрослых и двое детей. Просили на завтрак кашу для детей, лучше манную. – Свекровь тараторила, а Юля вошла на кухню и принялась неспешно подвязывать фартук. – А тот мужчина из второй комнаты, Валерий Евгеньевич, кажется, полчаса назад уехал.

– Надо сказать Любе, чтобы прибралась в номере.

– Нет, его подруга осталась. Сказали, что ещё на несколько дней.

Эта информация удивила, Юля даже усмехнулась.

– С чего бы ей оставаться? Она же не могла дождаться, когда уедет отсюда.

Алевтина Ивановна безразлично пожала плечами.

– Не знаю. Он оплатил ещё неделю её проживания, а сам уехал. – Свекровь замолкла на секунду, после чего добави-

ла: – Мне кажется, они поссорились.

– С чего вы взяли?

– Слышала вчера, как они спорили в саду. А сегодня он выехал в пять утра. Видимо, не стал дожидаться, пока она проснётся. Скажи же, неприятная особа.

– Я с ней близко не общалась.

– Для этого и не нужно общаться, у неё на лице всё написано. Заела мужика, вот он от неё и сбежал.

– Главное, что номер оплатил.

– Это точно. Дай бог, и она съедет без проблем. А то только и слышу от неё претензии.

– Что приготовить для неё на завтрак?

– Сказала: только не блины. От них, видите ли, толстеют. – Алевтина Ивановна красноречиво поджала губы, затем головой качнула, то ли осуждающе, то ли непонимающе.

– Хорошо, не блины, – равнодушно отозвалась Юля.

Наверное, с её голосом было что-то не то, задумчивости больше, чем привычной для неё жизнерадостности, потому что свекровь вдруг повернулась к ней и присмотрелась повнимательнее.

– У тебя что-то случилось?

Юля не сразу осознала, что её поймали на ненужных эмоциях, в первый момент глянула непонимающе, после чего растерянно моргнула и поспешила навесить на лицо улыбку.

– Нет. Всё в порядке.

– Точно? – не успокаивалась Алевтина Ивановна. – Вы

с Сеней не ругаетесь? – И тут же попросила: – Вы не ругайтесь, нам сейчас не до вас.

Юля повернулась к плите и негромко проговорила:

– Мы не ругаемся.

– Хорошо. – Кажется, свекровь осталась довольна её простым ответом. И снова засуетилась. – Занимайся завтраком, а мы с Николаем Васильевичем в город поедем, дела у нас.

Что за дела, Юле, конечно, не сообщили, наверняка, даже не подумали. Вскоре она осталась на кухне одна, готовила завтрак для постояльцев, и задумчиво посматривала в окно. Всё-таки было что-то в последних событиях, беспокоящее и её. Вот только сформулировать точно пока не получалось, кроме того, что неудачная эпопея с наследством бабы Клавы кое-каким образом негативно отразилась и на её семейной жизни. Не в плане разговоров и расстроенных чувств домочадцев, а то, что вопрос о более самостоятельной и независимой жизни от родителей мужа так и не решился. А Сеня, судя по всему, и решать его не особо стремится. Его всё устраивает. Он до сих пор чувствует себя ребёнком рядом с мамой и папой, которому не нужно ни за что отвечать и брать на себя ответственность, даже за собственную, пока ещё маленькую, но семью.

Арсений проснулся, когда родители уже уехали, а Юля накрывала стол к завтраку в гостевом доме. Муж зашёл в столовую и, не скрываясь, зевнул и потянулся.

– Зачем ты встаёшь в такую рань? – задал он совершенно

риторический вопрос.

Юля на него оглянулась, порадовалась, что муж не появился в гостевом доме в домашних шортах и любимой футболке с танчиками, одет был прилично, судя по всему, куда-то собирался.

– Потому что у меня много дел, – ответила ему Юля. – А твои родители уехали в город.

– К адвокату, что ли?

– К какому адвокату? – переспросила она, если честно, удивившись. На Сеню посмотрела, но тот лишь вытаращил на неё глаза, словно, Юля намеренно поймала его на слове, и тут же отмахнулся.

– Да так, матери пришла гениальная идея – посоветоваться с юристом. Со знакомым знакомых.

По всей видимости, узнал Сеня об этом ещё вчера, но ей не рассказал. Сказать по правде, скрытность Тетериных показалась обидной. Она часть семьи или нет? Видимо, частью этой семьи считает себя только она. Неприятно, очень.

– Доброе утро.

В столовой появилась брошенная постоялица Лана. Юля ничего не могла с собой поделать, кинула на неё изучающий взгляд, но девушка совершенно не выглядела расстроенной, брошенной, а уж тем более хоть как-то опечаленной по этому поводу. Может, Алевтина Ивановна не так поняла, и спутник Ланы и не сбежал вовсе, а уехал по делам? Лана, не смотря на довольно раннее утро, девять часов, выглядела свежей,

отдохнувшей, и, в отличие от Юли, при макияже и на высоченных каблуках. Но, надо сказать, Лана даже по саду-огороду ходила на каблуках, Люба уже не единожды подходила с этим замечанием к Юле, чтобы посмеяться над странной москвичкой.

– Мимо коз дефилирует, – шептала она, посмеиваясь. – Моделька.

Юля в ответ на приветствие кивнула, пригласила гостью за стол, а вот Арсений широко улыбнулся. Не заметить мужской интерес в его взгляде было невозможно. Но он был настолько явным и неприкрытым, что впору было рассмеяться, настолько Сеня в этот момент, рядом со столичной штучкой, казался нелепым. Поэтому ни говорить, ни одёргивать мужа Юля не стала, лишь про себя хмыкнула.

– Что на завтрак? – бодро поинтересовалась Лана, присаживаясь за стол.

– Я приготовила вам омлет и гренки. Есть кофе и свежевыжатый сок.

– Замечательно. Спасибо, Олечка.

– Я – Юля.

– Точно, Юля.

Арсений всё ещё продолжал улыбаться, после чего произнёс:

– Приятного аппетита. Не буду вам мешать, пойду тоже позавтракаю.

– Сеня, там каша на плите, – сказала мужу Юля, но её го-

лос вдруг прозвучал тихо, и его явно не услышали за певучим:

– Арсений, может, вы составите мне компанию за завтраком? – Лана гостеприимно улыбнулась, словно, это она подавала дорогому гостю завтрак, собственноручно его приготовив. – Не люблю есть одна.

Наверное, в голове Сени всплыли слова жены: на плите каша, и поэтому уже в следующий момент он шагнул к гостевому столу.

– Почему бы и нет? Юля отлично готовит омлет.

– Вот и замечательно, – обрадовалась Лана. – Заодно подскажете, что ещё мне посмотреть, где побывать… где развлечься. Видимо, я пробуду у вас ещё несколько дней.

Наблюдая, как муж усаживается рядом с московской красоткой, при этом буквально ест её глазами, Юле захотелось подойти и как следует стукнуть Арсения по голове. Желательно чем-нибудь тяжёлым. Он ведь даже на неё, на свою жену, не обернулся, не посмотрел, не поинтересовался – против она или нет, столь милых бесед с посторонней женщиной за завтраком. Сеня просто уселся за стол, придвинул к себе пустую тарелку, налил кофе и завёл интересный и познавательный разговор, предложив Юле мысленно попытаться припомнить, когда он в последний раз разговаривал с ней с подобным энтузиазмом.

Стоять у стола, наблюдать и слушать, было глупо и неловко, а присаживаться напротив Сени, показалось жалким. Вы-

глядеть ревнивой провинциалкой перед самоуверенной красоткой не хотелось, и поэтому Юля буквально заставила себя выйти из комнаты, запретив себе даже за дверью приостановиться, хоть на минуту, послушать, о чём они говорят. Попытавшись смирить в себе гнев и возмущение, она отправилась на кухню, чтобы подать другим гостям и их детям горячую кашу к завтраку. Но внутри кипело и бурлило негодование. И высказать его мужу, как только представилась возможность, как только Сеня вернулся в дом, Юля не постеснялась.

– С чего вдруг ты уселся к ней за стол?

Арсений замер, попробовал притвориться удивлённым.

– А что в этом такого?

– Конечно, что здесь такого! – возмутилась Юля. Правда, голос пыталась особо не повышать, но взглядом мужа просверлила насквозь. – Мало того, что я обслуживаю гостей, кухарка и официантка в одном лице, так и ты ещё усаживаешься за гостевой стол! Странно, что не попросил и тебе кофе подать! Сидит и улыбается другой женщине, а я вокруг стола бегаю!

– Юль, ты сдурела?

– Не разговаривай со мной так!

– А как с тобой разговаривать, если ты несёшь откровенную чушь?

– Чушь, да? – Окончательно разобиделась она. – А эта мамзель, по всей видимости, никакой чуши не несёт, с ней

интересно и есть о чём поговорить, да?

Арсений недовольно поджал губы и на молодую жену зыркнул. Весьма красноречиво, с явным желанием сказать что-то ей в пику.

– Представь себе. Не только о готовке и стирке!

От этих слов Юля замерла, ошарашенная. Смотрела на любимого мужа и не понимала, никак не могла осознать, как он мог сказать ей подобное. Никогда раньше не говорил, не упрекал, а сейчас вот у него вырвалось, и это показалось очень обидным. У Юли попросту руки опустились.

– А для кого я это делаю?

Арсений, видимо, понял, что сказал лишнего, что обидел, но попросить прощения он не додумался, или что-то другое ему помешало, какие-то мысли или чувство противоречия. И, в итоге, он лишь вздохнул, недовольно глянул и сказал:

– Я не то имел в виду. Перестань нагнетать. – Он на автомате обшарил карманы, судя по всему, в поисках ключей и телефона. – Всё, у меня дела. Вернусь после обеда.

– А куда ты собрался?

– Я же говорю, у меня дела.

– Сеня, твои родители уехали на весь день. Ты хочешь оставить меня одну с постояльцами?

– Юль, – нетерпеливо проговорил муж, – не в первый же раз. Ничего страшного не произойдёт. Завтрак съели, обед на плите. Если что, тебе Люба поможет.

– Просто замечательно, – проговорила Юля чуть слышно.

А Арсений уже вышел за дверь, лишь рукой ей на прощание махнул.

Настроение было отвратительным, а, если совсем честно, то хотелось плакать. Юля вышла на веранду с чашкой чая, выделив себе несколько минут на отдых и обдумывание неприятного разговора с мужем, прислонилась плечом к стене. Тоже хотелось всё бросить и уехать в город, пожаловаться Милке, а потом отправиться поднимать себе настроение, как они любили делать раньше. В торговый центр, в магазины и кафе, бокал вина или кофе с коньяком были бы сейчас очень кстати. А время, между прочим, только десять утра.

Из дверей гостевого дома появилась Лана, она успела сменить узкие джинсы и яркую кофточку, в которых выходила к завтраку, на платье в стиле Мерилин Монро, и, признаться, Юля на девушку засмотрелась. Даже с приличного расстояния Лана выглядела настолько самоуверенной и, можно сказать, влюблённой в себя, что ей хотелось позавидовать. Юля уже давно себя такой не чувствовала. И новых платьев и туфель у неё давно не появлялось, ей некуда было в них ходить. То есть, столь смелые обновки считались излишеством. С некоторых пор. И вот ситуация дошла до того, что любимый муж стал восторженно рассматривать других женщин, которые излишествам были только рады.

Лана прошла по дорожке, помахала Юле рукой и вышла за калитку. Жалко, что чемодана у неё с собой не было. Юля с удовольствием отправила бы загостившуюся гостью восво-

яси.

В доме было тихо. В обоих домах. Тетерины разъехались по делам, гости отправились на прогулки и экскурсии, и только Юля с Любой занимались повседневными, скучными делами. Конечно, Арсений – мужчина, он попросту не задумывается о том, что помимо готовки и встречи гостей, в доме находится куча других дел. Юля лишь вздыхала, раздумывая о несправедливых словах мужа, сказанных им утром. Загрузила стиральную и посудомоечную машины, поставила вариться суп, застелила столы в гостевом доме новыми скатертями, пропылесосила. Подумала и позвонила мужу. Телефон его отключён не был, но трубку Арсений не взял. Юля ещё немного подумала, посомневалась, после чего написала ему короткое сообщение: «Не злись». И немного успокоилась, когда спустя минуту ей пришёл ответ: «Не злюсь».

В какой-то момент Юля вышла в сад, собираясь посмотреть, чем занята Люба, а вместо Любы увидела в саду мужчину. Он стоял к ней спиной, на Юлином любимом месте и смотрел на хоровод старинных церквей за рекой. Очень высокий, широкоплечий, черноволосый, в белой льняной рубашке и в светлых джинсах. Он стоял в расслабленной позе, сунув руки в карманы на джинсах, и смотрел на сверкающие купола церквей. Мужчина явно вошёл не через гостевой дом, иначе Юля непременно услышала шаги, они бы обязательно столкнулись у стойки ресепшена. Гость появился через хо-

зяйский дом, и это всерьёз насторожило, Юля присматривалась к мужчине с тревогой. Осторожно спустилась по широким ступеням веранды в сад и направилась к нему, правда, решила, что близко подходить не станет. На всякий случай.

– Здравствуйте. Вам чем-то помочь? – поинтересовалась она.

Мужчина обернулся на её голос, и Юле пришлось практически запрокинуть голову, чтобы посмотреть в его лицо, хотя между ними было несколько шагов расстояния. Признаться, в первый момент у неё сбилось дыхание. И дело совсем не в том, что мужчина был как-то по-особенному красив или притягателен, чего-чего, а слащавой красоты в нём точно не было. Его профиль, да и тёмный взгляд были скорее хищными и даже чуть надменными. Лицо будто выбито из куска гранита – широкий лоб, высокие скулы, тяжёлый подбородок. А курчавые волосы и густые брови были иссиня-чёрными, да и сам незнакомец был непривычно для средней полосы России смугл. Словно цыган. Одним своим присутствием незнакомец внушал чувство тревоги. Он нависал над Юлей, пригвоздив её тяжёлым взглядом к земле, и становилось понятно, что отвести взгляд или попросту отвлечься от него невозможно, мужчина своей выдающейся фактурой и выраженной темнотой, что, казалось, исходила от него, занимал всё внимание, все мысли, повергая людей в растерянность. Вот и Юля замерла перед ним, вытаращившись, наверняка, совершенно неприлично, и даже нервно сглотнула.

Захотелось обернуться на дом и позвать кого-нибудь. Можно даже сказать, что на помощь. Но в доме никого не было, и от этой мысли захотелось убежать.

Наверное, очень глупо будет выглядеть, если она на самом деле убежит и закроется от гостя в одной из комнат.

А мужчина, тем временем, её разглядывал. Точнее, не разглядывал, он смерил её жалостливым взглядом, как удав птичку колибри, наверное, расстроившись, что попавшейся добычи на обед точно не хватит. А Юля вдруг вспомнила, что на ней надеты старенькие джинсы и растянутая футболка с Микки Маусом, явно не тот наряд, который способен впечатлить удивительного гостя.

Нужно было что-то сказать, даже если улыбнуться не получится. Для начала снова нервно сглотнула.

– Вы хотите у нас остановиться? – спросила она, подивившись своему писклявому голосу. – Извините, я не слышала, как вы вошли. Пылесос работал.

– Ты горничная? – спросил мужчина, и Юле от его глубокого голоса захотелось присесть. То ли от страха, то ли в реверансе.

– Нет, – выпалила она.

– А кто?

– Юля! – послышался с балкона голос Любы. – Машина у калитки, приехал кто-то!

Юля невольно обернулась на голос помощницы по дому, подняла глаза к балкону второго этажа, собиралась сказать,

что уже встретила гостя, но промолчала, увидев, как Люба вдруг вытаращила глаза, глядя на мужчину, а затем и вовсе торопливо перекрестилась, и скрылась за балконной дверью.

Сказать честно, от подобного поведения Юля оторопела, к мужчине повернулась, на самом деле собираясь перед ним извиниться, но, к своему удивлению, увидела на его губах усмешку. Которая, кстати, совершенно преобразила его строгое лицо.

– Вот сразу чувствуется, что домой приехал, – проговорил он. И повторил свой вопрос, обращаясь к Юле: – Так кто ты, Золушка?

После такого замечания, Юля смущённо кашлянула, одёрнула старенькую футболку.

– Меня зовут Юля Тетерина. Я здесь живу.

– Юля Тетерина? – Во взгляде мужчины проявилось любопытство. – Не помню таких Тетериных. Или папаша ещё себе дочку на стороне успел заделать, а я не в курсе?

Игнат. Это был Игнат Кудепов. И как она раньше не поняла? Наверное, он настолько её поразил своим появлением, своей внешностью, что разум на какие-то минуты отключился полностью, и Юля продолжала и продолжала на Игната таращиться.

Заставила себя сделать вдох, надеясь, что с притоком кислорода к мозгу, вернётся и способность соображать. Хоть немного.

– Я жена Сени, – пояснила она.

– Ах, ты пришлая! – Игнат обошёл Юлю по кругу, разглядывая, а на его губах всё шире расплывалась ухмылка. Он не улыбался по-доброму, не смеялся, пока Юля видела только усмешку и ухмылку с намёком на издёвку, но даже это преображало лицо Игната. Он казался мягче и привлекательнее. Она едва успела себя одёрнуть, прежде чем дать новоявленному родственнику ненужный совет: «Вам нужно чаще улыбаться!». Если бы сказала, он бы окончательно убедился в том, что она откровенная дурочка. – Братик, значит, достаточно подрос, чтобы жениться?

– Сене тридцать два, – зачем-то напомнила Юля.

– Я почти помню это. Ты знаешь, кто я? Меня зовут Игнат.

– Я догадалась, – проговорила Юля себе под нос.

– Правда? Наслышана? Родственники, наверное, живут с моим именем на устах. Особенно, в последнее время. – Он продолжал насмешничать, но хоть Юлю перестал пытать взглядом. Крутил головой по сторонам, осматриваясь. – А ничего так всё обустроили, отец постарался. – Это прозвучало почти, как похвала. Игнат снова на Юлю посмотрел. – А где все?

Она дёрнула плечом.

– Я одна. Все в город уехали.

Игнат остался к этой информации равнодушен, прошёлся по саду, Юля с напряжением за ним наблюдала. Тревога не покидала, хотя она уговаривала себя расслабиться, говорила сама себе, что ничего особо страшного не происходит.

Ну, приехал он и приехал, все ждали его появления со дня на день.

– Как бизнес идёт? – спросил он вдруг.

– Вроде, неплохо, – ответила Юля. Не понимала, что ей можно говорить, а что нельзя. Была уверена, что ей всё равно достанется от родственников мужа, что бы она Игнату не сказала, даже если будет молчать, как партизан. Сам факт того, что говорила, что оставалась наедине… Послушать Тетериных, да и всех остальных, на неё теперь обязательно ляжет проклятие. – Вы хотели поговорить с Николаем Васильевичем?

Он на неё посмотрел.

– Не то что бы прямо хотел, – проговорил Игнат, – но, думаю, надо. В конце концов, десять лет не виделись, пора подпортить старику настроение.

– Зря вы так, – вырвалось у Юли. – Он ведь, на самом деле, не молодеет. У Николая Васильевича давление скачет.

– Ещё скажи, что он сердечник. С удивлением посмотрю его рентгеновский снимок и обнаружу там сердце на положенном ему месте.

Ответом Юля осталась недовольна, степень ехидства Игната говорила о том, что впереди всех ожидает череда скандалов. Но не могла же она его выгнать? Во-первых, у неё не хватило бы на это смелости и сил, а, во-вторых, она не знала, как было бы правильно поступить. На случай появления Игната в их доме её никто не инструктировал. Но в дом его

приглашать всё же не стоило. Поэтому Юля указала рукой на беседку под яблонями.

– Вы присаживайтесь. Я принесу вам чай.

– Чай? – Игнат, кажется, не на шутку удивился. Но отказываться не стал, снова к Юле присмотрелся. – Ну, неси чай.

Пока Юля заваривала чай для Игната, без конца посматривала в окно. Видела, что гость снова стоит и смотрит на купола, потом всё же прошёл в беседку и присел за стол. Думал о чём-то, вроде как хмурился.

– Что делается, что делается, – запричитала Люба, вбегая в кухню. Женщина казалась взволнованной и запыхавшейся. – Игнат приехал!

– Не понимаю, чему ты удивляешься, – нервно проговорила Юля. – Ты же сама говорила, что он обязательно приедет.

– Да, говорила. Но вот он приехал! Чёрт его принёс.

Юля кинула на помощницу укоризненный взгляд.

– Зачем вы все так говорите? Это неправильно, и даже неприлично. Человек не виноват, что у него такой цвет кожи. В этом нет ничего особенного, в конце концов.

– Как же, нету, – передразнила её Люба. – Когда ни одного мужика похожего в округе нету, а тут такое родилось. Сам чёрт!

– Странная логика, – не утерпела Юля. – Если ни одного такого мужчины в округе не было, то с кем его мать Николаю Васильевичу, по-вашему, изменить могла?

Люба застыла в лёгкой растерянности, но затем открыла

рот, а Юля её прервала, уже зная, что сейчас снова начнутся деревенские басни про чёрта. Взяла поднос с фарфоровым чайником, чашками, вазочкой с вареньем и румяными плюшками.

– Мне нужно подать чай, – оповестила она Любу. Из кухни вышла, не обернулась, но знала, что Люба прильнула к окну, с жадностью наблюдая за происходящим.

– Ого, – проговорил Игнат, увидев поднос и, по всей видимости, не на шутку впечатлённый. – Никогда меня так в этом доме не угощали. Точнее, вообще, никогда не угощали.

Стало неловко, Юля аккуратно поставила поднос на стол и подала Игнату чашку. Он протянул за ней руку, а у неё от испуга всё внутри сжалось. Но она выдержала, руку не отдёрнула. Чем, наверное, произвела впечатление.

– Ты ведь не местная, я прав? – спросил Игнат, наблюдая за Юлей.

– Я городская, – согласно кивнула Юля. Присела напротив, налила и себе чай, стараясь не встречаться с Игнатом взглядом. Не потому, что не хотела, а потому что тьма в его глазах, казалось, окутывала и затягивала в какой-то омут.

– И зачем же городская девчонка за деревенского простака замуж выскочила? Кстати, сколько вы женаты?

– Два года.

– Немного.

– И вы не правы, Сеня не простачок.

Игнат пил чай из фарфоровой чашки, и она казалась несу-

разно маленькой и невесомой в его огромной ладони. Вот на чашку Юля и предпочитала смотреть, стесняясь поднять глаза к тёмному лицу.

– Думаю, придётся изменить своё мнение. Ума хватило найти в жёны хозяйственную городскую девушку. Или ему просто повезло?

– Понятия не имею. Вы будете ждать Николая Васильевича?

– Не знаю. А когда он вернётся?

Юля лишь пожала плечами.

– Они с Алевтиной Ивановной в город ещё утром уехали. Сказали, что по делам, но, наверняка, заедут к Лере.

– Лерка в город перебралась?

– Она живёт там с мужем.

Игнат качнул головой и даже языком прищёлкнул.

– Какие перемены. У всех жизнь ключом бьёт.

Они помолчали, Юля нервно ёрзала на лавке, не зная, что сказать, а Игнат, кажется, задумался о чём-то. На дома смотрел.

– Примите мои соболезнования, – вдруг ляпнула Юля. Игнат перевёл на неё прямой, непонимающий взгляд.

– По поводу чего?

– По поводу смерти прабабушки. У вас, как я понимаю, были хорошие отношения.

Игнат вдруг улыбнулся.

– Баба Клава была что надо. Бойкая такая старушка, воле-

вая. Одна меня за проделки в детстве не ругала. Мать за ремень хватается, а она конфеты в карман суёт. Жалко, что померла.

– Вы с ней тоже не общались?

– Почему? Мать в город её привозила, недели за две до того, как она упала. Неожиданно всё случилось.

– Да, – согласилась Юля. И призналась: – Она мне нравилась.

– Серьёзно? Обычно она никому не нравилась. Они с отцом терпеть друг друга не могли, сколько себя помню, так и было. Алевтина её сварливой старухой звала. А у бабки просто характер был. Ну да, не божий одуванчик, кремень настоящий. Таких сейчас не делают.

– Вам достался большой дом, – осторожно заметила Юля.

Игнат красноречиво выпятил нижнюю губу. Она была пухлой, и без того привлекала внимание, а сейчас Юля и вовсе на неё уставилась. Хорошо хоть Игнат потянулся за плюшкой и начал жевать. А в ответ на её слова безразлично пожал плечами.

– Можно открыть там музей. Всяких побрякушек и картин для этого у бабы Клавы хватит.

Юля моргнула в лёгкой растерянности, не зная, насколько серьёзно относиться к его словам.

– Вы могли бы продать этот дом. Он стоит больших денег, самый центр, историческая часть города…

– Мне не нужны деньги, – легко отозвался Игнат. Уста-

вился на недоеденную плюшку в своей руке. – Вкусно, – сообщил он в некотором удивлении. – Алевтина пекла?

– Нет, я.

Он удивлённо вздёрнул брови.

– Ты ещё и печёшь?

– Я, можно сказать, работаю тут поваром.

– Судя по всему, не только поваром, – заметил он, явно намекая на её неряшливый наряд для уборки.

Пришлось скромно улыбнуться и пояснить:

– Семейный бизнес.

Игнат жевал плюшку, запил её чаем, а сам всё смотрел на Юлю. От его настырного взгляда хотелось раствориться в воздухе.

– У Тетериных нет семьи, кроме Тетериных, – сказал он в конце концов. – Запомни это. Ты им не семья. Как и я, впрочем.

От его слов Юлю будто ледяной водой изнутри окатили. Она смотрела на Игната и не знала, что сказать ему в ответ. Как поспорить, какие аргументы привести о том, что он не прав. А Игнат вдруг поднялся, выдал сдержанную улыбку.

– Ладно, познакомились, и хорошо. Я даже рад, что никого из любимых родственников не застал. Что-то нисколько не соскучился. Думаю, они по мне тоже. Но ты привет им передавай. Хорошо?

Юля тоже поднялась, чувствуя себя ученицей за партой.

– Хорошо.

Игнат снова смерил её особенным взглядом, едва заметно усмехнулся каким-то своим мыслям, потом потянулся и взял с тарелки ещё одну плюшку. А Юле сказал на прощание:

– Пока, Золушка.

ГЛАВА 4

В конечном счёте, получилось так, что Юля едва ли не виноватой осталась в том, что Игнат Кудепов вернулся в город. Словно, она его самолично вызвала, ради каких-то своих неясных целей. А уж тот факт, что поила чаем с плюшками в беседке под яблонями, и вовсе граничил с приговором к расстрелу. По крайней мере, Юля под взглядами родственников именно так себя и чувствовала. Предателем. Со всех сторон только и сыпались вопросы:

– Как ты могла? Зачем ты его впустила? О чём ты с ним разговаривала?

– Во-первых, – стараясь не терять терпения, говорила Юля, – я его не впускала, он сам вошёл. Мы с Любой занимались уборкой в гостевом доме, и как он появился – не видели. К тому же, я никогда раньше его не встречала, откуда я могла знать, что это именно он? В первый момент я решила, что это новый постоялец.

– Поэтому предложила ему чаю выпить, – не без доли ехидства заметил Арсений. Рядом находились его родители, которые и без того смотрели на Юлю с изрядной претензией, а тут ещё любимый муж, как выяснилось, совершенно не собирался её защищать. Наоборот, Сеня разозлился и возмущался, кажется, больше всех остальных. И теперь уже Юля начала на него злиться.

– Если ты не хочешь, чтобы я поила чаем кого-то не того, – не удержалась она от упрёка в сторону мужа, – тогда не бросал бы меня одну с уборкой, готовкой и постояльцами!

– Хочешь сказать, что я не помогаю?

– А ты помогаешь? – в тон ему ответила Юля, и наградила мужа раздосадованным взглядом.

– Перестаньте ругаться, – попросила их Алевтина Ивановна. – Какой в этом толк? Юля, лучше скажи, чего он хотел?

Пришлось смирить своё возмущение, сделать глубокий вдох, и повернуться к свекрови. Пожала плечами.

– Я не знаю. Сказал, что хотел встретиться с вами, поговорить.

– О наследстве?

– Наверное. – Юля помедлила, решая, стоит ли ей продолжать рассказывать, но всё же добавила: – Я спросила его о доме. О том, что он собирается с ним делать.

Тетерины переглянулись.

– И что он сказал? – заинтересовался Николай Васильевич.

Юля снова вздохнула.

– Сказал, что в доме можно открыть музей.

– Музей?

– Говорит, побрякушек бабы Клавы на это хватит, – как можно близко к оригиналу передала им слова Игната Юля. Слова эти никого не успокоили, свёкор выглядел откровенно раздосадованным, кинул выразительный взгляд на жену.

– Он над нами издевается!

Юля не считала, что Игнат издевался. Кажется, в отношении наследства настроения у него были довольно неопределённые. Особо обрадованным или потирающим руки в предвкушении, как совсем недавно делали родители мужа, Игнат не выглядел. К тому же, сказал, что в деньгах не нуждается. Но этот факт Тетериных, скорее всего, ещё больше разозлит.

Хотелось печально вздохнуть и придумать что-нибудь, чтобы о чужом наследстве, проблемы с которым неожиданно свалились на Юлину голову, больше не думать. Жили они до него, спокойно и вполне счастливо, и дальше бы жили. Но баба Клава решила иначе, решила подзадорить любимых родственников даже после своей смерти. Наверное, мнение о ней, как о человеке, не лишённом доли коварства, всё же имеет под собой крепкие основания. Только Юля, по привычке, старается видеть в людях только хорошее, вот и считала всегда бабу Клаву милой старушкой с характером, а она, оказывается, хорошая интриганка.

В этот вечер Сене за компьютером не сиделось и в свою любимую войнушку не игралось. Он ходил по дому, из комнаты в комнату, хмурый и недовольный, и о чём-то размышлял. Но Юле, если честно, даже выяснять причины его недовольства и печали не хотелось. Во-первых, она и без того догадывалась, а, во-вторых, лишние подробности своего неправильного поведения лишь заставят её переживать и злиться на мужа. Потому что она себя виноватой ни в чём

не считала, а её допрашивали словно преступницу.

Арсений сам к ней подошёл с разговором. Сел на кровать, упёрся локтями в свои колени, и надул щёки. Наверное, тем самым пытался выказать степень своей серьёзности, но со стороны это виделось глупым, и Юля каждый раз обещала себе, что когда-нибудь мужу об этом скажет. Вот только Сеня был человеком обидчивым, именно в мелочах и замечаниях. Его можно было упрекнуть в чём-то масштабном, например, в том же отсутствии помощи по дому с его стороны, и он благополучно пропустит это мимо ушей, не приняв всерьёз на свой счёт, а вот всё, что касалось внешности, поведения и прочих мелких замечаний, они частенько задевали его за живое.

– Я не хочу, чтобы он приходил к нам в дом, – сказал Арсений.

Юля отложила телефон, на мужа посмотрела. Его недовольства и метания сделали этот вечер тяжёлым и безрадостным.

– А зачем ты говоришь это мне? – удивилась Юля. – Я его не приглашала, ни сегодня, ни завтра приглашать не собираюсь.

– Появление Игната – это плохой знак.

Юля вспомнила, как Люба перекрестилась, увидев гостя, и ей, если честно, стало немного неудобно перед Игнатом за подобную реакцию, даже сейчас. Вспомнилось, что гость остался к увиденному равнодушным, но всё равно бы-

ло неловко. Потому что Юля никогда до этого подобного глупого поведения по отношению к другому человеку не наблюдала. А Игнат, по всей видимости, давно свыкся.

Но у мужа Юля решила уточнить.

– Для кого плохой?

– Для тех, в чьём доме он появляется.

– Сеня, – терпеливо проговорила Юля, разглядывая профиль недовольного мужа. Арсений сидел насупившись, упрямо выпятив нижнюю губу. – Ты взрослый человек, перестань повторять эту ерунду. Это деревенские байки. И мне, если честно, – не стала скрывать Юля, – очень жалко того мальчика, которым был Игнат, который вырос среди всего этого. А если бы в тебе нашли какой-нибудь изъян и от тебя бы всем городом шарахались? Думаю, ты бы вырос не таким улыбчивым и милым.

Арсений развернулся к Юле, смотрел в изумлении.

– Ты его оправдываешь?

– Я не оправдываю, – постаралась объяснить ему девушка. – В чём мне его оправдывать, если он передо мной ни в чём не виноват. Но я представляю, насколько это трудно. Быть не таким, как все, и расти с этим клеймом.

– Ты с ума сошла, – припечатал её Сеня.

А Юля взглянула на него с вызовом.

– Правда? Тогда скажи мне: конкретно тебе он что сделал плохого? Вы ругались, дрались, он тебя как-то обижал в детстве? Или ты повторяешь со слов родителей и бабушки?

– Юля, ты ничего не понимаешь!

– Может быть, – решила отступить она. – Но помнится, совсем недавно ты предлагал встретиться с Игнатом и поговорить. Говорил, что он тебе никогда ничего плохого не делал. Так вот он приехал, ищет встречи. Так что изменилось? Встреться и поговори.

– Мы не общались десять лет.

– Тем более. Оба стали взрослые, поумнели. Должны были научиться договариваться. – Юля попыталась заглянуть мужу в лицо, потому что он уже с минуту таращился в стену напротив, настолько ему не нравилось то, что она говорила. – Или ты боишься?

Арсений даже с кровати вскочил.

– Я его не боюсь!

– Это очень хорошо. Не думаю, что твой брат, на самом деле, чёрт или демон, как его называют. Я выпила с ним чаю, и хвост у меня не вырос, – решила она свести всё к шутке.

– Зато говоришь странные вещи, – решил съехидничать Арсений. Кинул на Юлю особенный взгляд, а когда та улыбнулась ему в ответ, недовольно отвернулся. И сказал: – Пойду воздухом подышу. Подумаю.

– Подумай, – согласилась Юля, провожая его взглядом. Затем головой качнула. Ситуация с Игнатом Кудеповым, с отношением к нему местных жителей, благоговейным ужасом, казалась нелепой. Конечно, старший брат мужа внешность, на самом деле, имел запоминающуюся, но ничего осо-

бо пугающего или мистического в его облике Юля не заметила. Игнат был высок, статен, смугл и характер имел решительный и боевой, и этим людей настораживал. А, между прочим, всё это считалось привлекательными мужскими чертами характера, обычно за это уважали, а Игната, по всей видимости, и, правда, в детстве невзлюбили за что-то. За что именно – никто уже не вспомнит доподлинно, а дурная слава за ним до сих пор тянется. Этому, в самом деле, можно посочувствовать, люди бывают злыми.

Сеня пробыл в саду довольно долго. Юля успела поговорить по телефону с мамой, потом поболтать с Милкой, которая вновь принялась сетовать на то, что они давным-давно никуда не выбирались вместе, а так хотелось, как раньше, проговорить ночь напролёт за бокалом вина и под набор любимых пирожных. Юля с подругой согласилась, сказала, что тоже скучает по беззаботным дням и вечерам, но не настолько, чтобы бросить мужа. Она хотела посмеяться, поднять Миле настроение, а та вдруг вздохнула в ответ, буркнула что-то вроде:

– Толка от твоего мужа, – и поторопилась распрощаться. А Юля замерла в тишине комнаты всё ещё с телефоном в руке, неожиданно уязвлённая подобным замечанием. Раньше старалась не обращать внимания на подобные подколы со стороны свободолюбивой подруги, а вот сегодня стало неприятно. И вот тогда отправилась на поиски запропавшего на свежем воздухе Сени.

– Чего не спишь? – спросила её свекровь, столкнувшись с Юлей на кухне.

– Сеню ищу, – не стала скрывать Юля.

– Так он в саду, с этой чокнутой разговаривает, – сообщила Алевтина Ивановна безразлично. А вот Юля замерла.

– С какой чокнутой?

– С постоялицей нашей, с москвичкой. В беседке сидят, всё смеются. Никакого от них покоя. У неё такой смех противный, звонкий. – Алевтина Ивановна махнула рукой, и отправилась в свою комнату, а Юля вышла на веранду. И, на самом деле, услышала женский смех из беседки и голос мужа. В груди что-то ёкнуло, неприятное, холодной рукой схватило за сердце, и Юля первые мгновения просто стояла, не зная, что делать и как правильно поступить. Мчаться к ним, устраивать скандал, она точно не станет. С чего бы? Сидят люди, разговаривают, видимо, о чём-то хорошем и весёлом, раз так смеются, а она появится фурия фурией, и выставит себя полной дурой?

Уйти оказалось очень трудно. Юля буквально заставила себя смирить гордость, зажать возмущение в кулак и вернуться в дом. Конечно, ни о каком покое и речи не шло, она заметалась по комнате, уговаривая себя, что ничего плохого не происходит. Просто её муж общается с другой женщиной, гостьей, проявляет уважение и гостеприимство. Развлекает одинокую барышню смешными историями. Но эта одинокая барышня, всё же не выглядит брошенной и несчастной.

Прошло ещё минут сорок, прежде чем Юля услышала шаги Сени в коридоре. И не придумала ничего лучшего, чем притвориться спящей. Зачем – сама не понимала, наверное, в какой-то момент струсила или испугалась посмотреть мужу в лицо и увидеть на нём радость и удовольствие от общения с другой женщиной, побоялась заподозрить нечто больше, чем и без того измучила себя за прошедшие минуты. Повернулась на бок и затихла. А Арсений разделся, выключил свет и лёг в постель. А после того, как лёг, вдруг вздохнул, как-то по-особенному довольно. По всей видимости, успел успокоиться и о старшем брате больше не думал. Об Игнате он подумал рядом с женой, а рядом с красавицей Ланой, думал о чём-то другом. А ещё… ещё от него пахло чужими духами. Приятным, чуть сладковатым ароматом, но Юле захотелось зажать нос рукой. Почему-то раньше никогда не задумывалась, что может попасть в подобную ситуацию. Вроде бы абсолютно житейскую, все жёны время от времени ревнуют своих мужей, и даже к конкретным женщинам, видят в них соперниц, но Юля почему-то не думала, что будет настолько обидно. Обидно, можно сказать, на ровном месте, просто от того, что любимый человек обратил своё внимание на кого-то другого, посмеялся с другой женщиной и чувствует себя от этого довольным и, возможно, хоть немножко, но счастливее, чем с женой.

Скорее бы она уехала. Осталось потерпеть несколько дней.

Утро началось с приготовления и подачи очередного завтрака. Вот только сегодня Юля готовила без настроения. Муж ещё спал, просыпаться не собирался, а она подавала завтрак и должна была улыбаться гостям. Да ещё свекровь заметила её хмурое лицо и принялась приставать с вопросами, а Юля пыталась уйти от неприятной темы, ссылаясь на занятость и головную боль.

– Взяли моду на головную боль всё списывать, – услышала она недовольное ворчание свекрови. – У меня в твои годы голова не болела, некогда было даже думать об этом. Муж, дети – не до больной головы было.

Юля отвечать не стала, поспешила уйти в гостевой дом. А там детские крики, беготня, родители, правда, детишек быстро приструнили и усадили за стол, кушать кашу. А затем к завтраку спустилась Лана. Опять, не смотря на довольно раннее утро, при макияже, тщательной причёске волосок к волоску, в модном брючном комбинезоне, при взгляде на который Юле захотелось завистливо вздохнуть.

– Доброе утро, – пропела гостья. Правда, кинула настороженный взгляд в сторону хихикающих за соседним столом детей.

– Доброе, – заставила себя проговорить Юля. Поставила перед постоялицей поднос с её привычным завтраком.

– Я сегодня завтракаю одна? Не люблю есть одна. Арсений не составит мне компанию?

Юля уставилась на столичную штучку, как она считала,

весьма красноречиво. И чётко разделяя слова, сказала:

– Мой муж занят. Он не может составлять вам компанию по каждому зову. У него куча дел и обязанностей.

Лана присела за стол, а на Юлю кинула любопытный взгляд.

– Правда? Что ж, тогда мне следует извиниться за то, что так бесстыдно его отвлекаю.

Вот именно, что бесстыдно, подумала Юля. Негромко пожелала всем приятного аппетита и покинула столовую.

К счастью, Лана уехала раньше, чем Арсений соизволил появиться на кухне. Юля слышала, как Николай Васильевич вызывал для неё такси, а спустя каких-то двадцать минут нахальная постоялица отбыла в большой город, вроде как собираясь сделать маникюр. Болтала с кем-то по телефону в саду и с печальным видом разглядывала свои ногти.

– Надеюсь, что смогу найти приличного мастера, – говорила она, вздыхая. – Ох уж эта провинциальная жизнь. Согласись, Валера поступил со мной по-свински, – вдруг заявила девушка. – Привёз меня в эту глушь, чтобы здесь бросить. Нет, я не переживаю!.. Пусть возвращается к жене, не велика потеря. Но ты же знаешь мою ситуацию с квартирой, мне нужно срочно придумать, как решить проблему. В конце концов, не позволять же ему выставить мои чемоданы за дверь? Если он так поступит, я ему точно не завидую. Я тогда соберу все свои вещи и заеду жить к его жене. Вот тогда посмотрим, что он скажет. Я целый год терпела его бес-

конечное нытьё, и что за это получила? Пинок под зад? Ничего у него не выйдет, дорогая. Ты же меня знаешь.

Потом она села в такси и уехала, а Юля продолжала стоять на веранде и в задумчивости натирать хрустальную вазу.

– Что ты делаешь? – послышался голос Сени за спиной. Юля обернулась и посмотрела на мужа, очень внимательно. После чего дёрнула плечом и отвернулась. А ему в ответ сказала:

– Думаю.

– О чём?

– О том, какие все люди разные. Вот возьми нашу постоялицу, Лану.

– А что с ней? – Сеня не помедлил, не напрягся при упоминании имени женщины, с которой вчера провёл большую часть вечера. Он спокойно присел за стол, рядом с которым Юля стояла, налил себе в стакан компот из графина и вытянул ноги.

Юля тёрла вазу, очень усердно.

– Кажется, у неё проблемы с деньгами. И с квартирой. И, вообще… с совестью.

– С чего ты взяла?

– Этот Валерий, с которым она приехала… Сеня, он женатый человек.

Вместо того, чтобы впечатлиться или хоть как-то проникнуться, поддержать жену в её негодовании, Сеня лишь безразлично пожал плечами.

– Это не наше дело.

– Понятно, что не наше, но всё же… Тебе всё равно? Сеня, эта женщина жила за счёт женатого мужчины. Это ужасно. Мне мама всегда говорила…

– Юль, такие, как Лана всегда стараются устроиться в жизни поудобнее, – перебил её муж. – Тебе не понять.

От подобного замечания Юля замерла, после к мужу повернулась, смотрела на него в полном недоумении.

– В смысле, мне не понять?

Сеня осознал, что сморозил глупость, но выкручиваться из неловкой ситуации ему было лень, нужно было думать, что сказать, и поэтому он лишь взглянул на Юлю с мольбой.

– Ты сама понимаешь. Ты другая.

– Надеюсь, это комплимент.

– Наверное. Просто ты другая. А Лана… – Арсений вольно повёл рукой в воздухе, пытаясь найти подходящее определение, но вместо этого лишь сказал: – Это Лана.

– Я не понимаю, что это значит, – отказалась принимать его позицию Юля, чувствуя всё большее беспокойство. А Сеня, судя по всему, начал впадать в раздражение, потому что перестал следить за словами.

– Она молодая, красивая, уверенная в себе. На таких мужчины ведутся.

– Замечательно, – проговорила Юля, испепеляя любимого взглядом. – А я не молодая, не красивая, и на меня мужчины не ведутся. Наверное, потому, что я не на маникюр хожу,

а вазу тут тру, потому что твоей маме она показалась пыльной.

А Сеня вдруг взял и не стал с ней спорить.

– Может быть. Хотя бы, могла сделать маникюр лишний раз. У Милки же свой салон.

– Ах, то есть, ты ещё и платить за это не собираешься? Хочешь, чтобы я была ухоженной за счёт подруги, а не за твой?

Арсений помрачнел, смотрел на Юлю тяжёлым взглядом, после чего поднялся. А жену упрекнул:

– Вот что ты начинаешь с утра пораньше? Что за очередной бзик? Тебе нельзя ничего сказать, ты сразу начинаешь меня в чём-то обвинять!

– Я ни в чём тебя не обвиняю! – рассердилась она. – Это ты меня обвиняешь в том, что я какая-то не такая. Не такая сногсшибательная и ухоженная, как Лана. Вот только знаешь, что я тебе скажу? Как бы она тебе не нравилась и тебя не восхищала, ты точно не герой её романа! – Юля кинула полотенце на стол, вазу поставила и сообщила: – Я иду в магазин.

– А завтрак?

– Найди маму!

Наверное, это очередной кризис в отношениях. Юля читала об этом. Год отношений, после которого люди определяются, быть ли им вместе дальше, потом три года, дальше семь… Что там дальше, пока даже помыслить трудно. Они с Сеней успешно проскочили первую кочку, а сейчас,

судя по всему, бодро подскакивают на второй, побольше. Все слова мужа отчего-то воспринимались по-особенному остро. Даже его намёк на то, что она перестала делать маникюр, без которого раньше жить не могла. Сеня хочет, чтобы она красиво и стильно одевалась, ходила по салонам красоты, без конца его вдохновляла и воодушевляла своей лёгкой и безмятежной улыбкой. И не думает о том, что у неё совершенно не остаётся на это времени и сил. Юля не то что не могла, боялась представить реакцию свекрови, если невестке придёт в голову оставить её одну справляться с постояльцами, а самой отправиться на маникюр, тем более к Миле, в город. Это действо займёт, по меньшей мере, половину дня. Алевтина Ивановна точно в восторг не придёт. Да и что Юле делать с длинными ногтями, да ещё в стразах, как у Ланы? Месить тесто, мыть полы, выскребать грязь из щелей под плиткой в ванных комнатах? На новые наряды ей денег не выдают, потому что бюджет в доме, по большей части, общий, и на что и сколько тратить решают родители Арсения. Вот и получается, что улыбаться, тем более безмятежно, Юле нечему, поводов находится мало. Но она улыбается, и бывает счастлива, когда находится рядом с мужем, когда они что-то делают вместе, когда планируют своё, отдельное, независимое от его родителей, будущее. Но, видимо, Сене этого стало мало в какой-то момент.

Обидно.

Проходя мимо дома бабы Клавы, Юля невольно сбави-

ла шаг. Потому что увидела распахнутую настежь входную дверь, а на дороге, рядом с домом, был припаркован солидного вида внедорожник. Чёрный, угловатый и сверкающий. Юля шла мимо очень медленно, а в какой-то момент и вовсе остановилась. Всё-таки она впитала в себя атмосферу, что царила в последнее время дома у Тетериных, и теперь ей увиденное казалось неправильным. По крайней мере, неестественным. Словно, на самом деле, чужой человек нахально влез на их территорию. Юля была не частым гостем в доме Клавдии Поликарповны, но принять тот факт, что дом достался чужому, для неё уж и подавно, человеку, оказалось непросто. Было жалко. Не денег жалко, не наследства, а некой таинственной ауры, которая витала над домом, а теперь Юля её никогда почувствовать не сможет. Дом же, огромный, хмурый, несмотря на то, что весь был украшен изразцами, смотрел на неё равнодушно, как на чужую. Юля так засмотрелась на дом, на окна, которые будто глаза таращились на неё, что не сразу заметила Игната, что появился на крыльце. Он вышел не ради неё, если бы вдруг приметил из окна. Игнат говорил по телефону, и головой по сторонам не крутил, но Юлю всё же заметил в какой-то момент. Кивнул ей и сказал:

– Привет, Золушка.

А она вдруг перепугалась до ужаса, одного звука его голоса, потом его насмешливого взгляда, всего его внешнего вида, будто не она вчера поучала мужа и говорила, что на Иг-

ната специально всем городом наговаривают, а он невинный, несчастный и везде не при чём. Невольно сделала шаг назад, глупо тараща на тёмного мужчину глаза, потом всё-таки вспомнила о приличиях, и громко и отчётливо проговорила:

– Здравствуйте. – И поспешила дальше по дороге, запретив себе оборачиваться. Но чувствовала, чувствовала, что ей смотрят в затылок. Вот только не верилось, что смотрит Игнат, он, наверное, уже успел позабыть о ней. Это дом провожал её взглядом, насмешливым и снисходительным, точно таким, какой был у бабы Клавы. Её душа осталась в этом доме, и теперь наблюдала за происходящим, и продолжала строить козни, посмеиваться и даже пальцем грозила. Просто никто больше не видел.

Чуть позже, возвращаясь из магазина, Юля снова встретила Игната. На узких улочках маленького городка, не встретиться было странно. Но на этот раз она увидела его издалека, на центральной площади. Сначала заметила его машину, а после и его самого. Он помогал выйти из автомобиля благообразной женщине в возрасте, по всей видимости, своей маме. И Юля опять сбавила шаг, с любопытством наблюдая. За два года жизни в этом городе, она никогда не встречалась с Ольгой Кудеповой. Как-то не довелось. А, возможно, довелось, на улице или в магазине, но, естественно, ей не пришло в голову обратить на женщину внимание, не зная, кто она. А вот теперь Юля к ней с интересом приглядывалась, видела, как Игнат, такой большой и сильный, весьма трепет-

но поддерживает мать под локоток, а, дай ему волю, наверное, на руках бы донёс до магазина через дорогу, и ничего зазорного в этом бы для себя не увидел. А его мама сияла радостной улыбкой, что-то говорила сыну без умолка, и с удовольствием принимала помощь и держала сына за руку. Хотя, по виду, совершенно в помощи не нуждалась. Женщиной она была моложавой, выглядела хорошо и бодро. Просто она очень радовалась тому, что сын, наконец, рядом.

Наблюдала за ними не только Юля. Она в какой-то момент обвела улицу взглядом и заметила ещё любопытствующих, но матери и сыну ни до кого дела не было. Они были заняты собой, и Юле вдруг стало неловко. Она, получается, тоже за ними подглядывала, подсматривала, хоть и без дурного умысла. Заставила себя отвернуться, и поспешила домой.

Вечером Юля узнала, что Игнат всё же связался с отцом. По телефону или, возможно, они так же, как и она, столкнулись на улице, известно ей не было, но Игнат предложил встретиться и обсудить возникшие вопросы по наследству.

– Обсудить, если есть, что обсуждать, – повторил слова старшего сына Николай Васильевич и зло сверкнул глазами в сторону. – Он так сказал.

– И где вы будете встречаться? – поинтересовался Сеня. Зачем-то глянул на Юлю. – Или он снова заявится к нам в дом?

– Нет. Мы решили встретиться в бабкином доме.

– Не знаю, что ты собираешься с ним обсуждать, – вздох-

нула Алевтина Ивановна. – Судя по всему, из города он уезжать не торопится. Разгуливает по улицам, как по собственному имению. Да Ольгу на машине катает. – В голосе свекрови слышалось неподдельное возмущение. – А она вся разряженная, улыбается!.. Сыночка всем демонстрирует.

– Тачка у него крутая, – вдруг заметил Арсений. – Она одна, наверное, стоит дороже, чем бабкин дом.

Николай Васильевич на сына посмотрел в упор, нахмурился.

– Серьёзно?

– «Гелендваген», пап. Уж, во всяком случае, не меньше.

Свёкор недовольно выдохнул, отвернулся ото всех. По всей видимости, размышлял с какой позиции ему разговаривать со старшим сыном при встрече. С позиции силы теперь вряд ли получится. А уж отцовского наставления и подавно. Юля за свёкром украдкой наблюдала, не потому что ей было очень интересно или как-то беспокоил происходивший разговор, она старалась не прислушиваться, устав от обсуждения одних и тех же проблем, но говорить об этом вслух ей, конечно же, не стоило. И сейчас, отвлёкшись от переписки с Милой в телефоне, она подняла глаза, посмотрела на свёкра, на его спину, на его напряжённую позу, и вдруг подумала о том, что Игнат на него всё же похож. Да, Николай Васильевич ниже ростом, но эта напряжённость, упёртые в бока руки и даже выдвинутый вперёд упрямый подбородок, которого Юля сейчас видеть не могла, но прекрасно

себе представляла – всё это было и в Игнате. А вот в Арсении, странным образом, подобной схожести с отцом не было, Сеня с Лерой были похожи на мать. И во всей этой ситуации, Юле больше всего было жаль Игната. По крайней мере, она чувствовала острую несправедливость по отношению к нему со стороны Тетериных. Скорее всего, и баба Клава её чувствовала, и, возможно, замечала ту же схожесть мальчика с родным внуком, поэтому и решила так поступить. Даже в завещании написала: «Я восстанавливаю справедливость». И Юля, чем больше слушала о прошлом и проникалась происходящим вокруг, тоже всё чаще задумывалась о творящейся несправедливости. Было неприятно, прискорбно узнавать столь нелицеприятные вещи о своих родственниках, особенно о муже, и поэтому она старалась не вмешиваться в разговоры, чтобы снова не остаться виноватой. В данной ситуации Тетерины показывали свою не лучшую сторону, казались мелочными и жадными, всё делили шкуру убитого не ими медведя.

Из-за своих ощущений, чувства противоречия, Юля не могла настроить себя против Игната Кудепова, что бы и от кого о нем не слышала. Надо сказать, что про его возвращение в город говорили не только Тетерины, говорили все кругом. В магазинах, на рынке, на площади. Раньше Юля не представляла, что нужно совершить такого, чтобы о тебе сплетницы на центральной площади города судачили. Пусть сплетницы в возрасте, и городок очень маленький, больше

напоминающий деревню. Но так, наверное, даже хуже, когда все знают всех, а половина друг другу доводится пусть и дальней, но роднёй. Вот поэтому и не забываются истории тридцатилетней, двадцатилетней давности. Родственники всё помнят, и на кухне, под чаёк, без конца припоминают. Кто в кого был влюблён, кто кого бросил, а кого обманул. И если бы не лето, не туристический сезон в разгаре, все в городе только и были бы заняты смакованием слухов и позабытых деталей, большинство из которых уже не имели под собой никаких оснований. Историю появления на свет Игната Кудепова вновь раздули с новой силой. Ведь получается, что Клавдия Поликарповна официально признала его Тетериным, почитай, всё наследство семьи оставила незаконному правнуку, назло остальным родственникам. А наследство было немалое, было что терять.

И единственный человек, который к сплетням вокруг оставался спокойным, даже равнодушным, был сам Игнат. Он гулял по городу, возил маму по магазинам, ужинал в ресторане. Об этом Юля узнала, стоя в очереди в магазине. Женщины обсуждали, ведь племянник одной знакомой, работает официантом в самом дорогом ресторане городка, в котором обычно обедают и ужинают лишь столичные гости да иностранцы, которым все цены нипочём, и вот этот племянник и разболтал всем вокруг, что Игнат Кудепов ужинал у них, и оставил приличную сумму денег. И даже ему, болтливому, оставил хорошие чаевые.

Юля, слушая всё это, лишь вздыхала. Казалось, что в городе остановилась жизнь в ту минуту, когда Игнат Кудепов вернулся. Скоро уже китайским туристам начнут пересказывать легенду о его рождении. Глядишь, пойдёт сказание по миру.

А сам Игнат, тем временем, не обращая внимания ни на всеобщее любопытство, ни на засилье китайских туристов вокруг, прибывших на нескольких больших автобусах и снующих всюду с фотоаппаратами, сидел в кафе и пил кофе. Расслабленный, и, судя по всему, никуда не спешащий. Юля зашла в кафе, заказать для постояльцев несколько бутылок местного слабоалкогольного напитка, и увидела его. Игнат пил кофе, один в достаточно просторном зале кафе, и смотрел в окно, наблюдал за теми самыми китайцами, с тем же интересом, с которым наблюдают за суматошными воробьями. Даже головы не повернул, когда Юля вошла в зал кафе и прошла мимо него. А она не знала, стоит с ним здороваться или нет. Решила, что не стоит. Вдруг Игнат размышляет о чём-то важном, и только кажется скучающим? А он её не заметил.

– Полчаса уже сидит, – печальным шёпотом оповестила Юлю знакомая девушка за стойкой. Девушка была молоденькой, но, по всей видимости, впечатлительной, успела наслушаться страшилок про своего сегодняшнего гостя, поэтому выглядела невесёлой, даже немного нервной. Но при этом не отрывала от мужчины жадного взгляда. Что тоже было

понятно, не часто в их маленьком городке попадаются особи мужского пола, на которых хочется смотреть и смотреть, не смотря на все предостережения и глупые страхи.

Юля девушке ободряюще улыбнулась, после чего равнодушно заметила:

– Пусть сидит. Может, у тебя кофе вкусный.

– Ага, как же, – скривилась юная продавщица. Затем облокотилась на стойку и подпёрла подбородок рукой, снова на Игната уставилась, а выражение на её лице при этом стало мечтательным. – Эх, почему не бывает мужиков без изъянов.

– Потому же, почему и женщин, – ответила ей Юля. И попросила напоследок: – Не забудь оформить заказ. Сеня завтра заедет, заберёт.

– Конечно.

Юля направилась к двери, снова прошла мимо Игната, и тот всё же повернул голову и посмотрел на неё. Его взгляд показался ей хитрым и настырным, хотя, Игнат смотрел Юле в лицо, оценивать её внешний вид, вроде как, не собирался.

– Привет, Золушка, – сказал он. Улыбнулся.

Вот улыбка у него точно была сверхъестественная, от которой сердце в груди делало кульбит. Колдовская, заговорённая, в эту секунду Юля готова была выслушать все домыслы, и в них безоговорочно поверить. Белозубая улыбка сверкнула на смуглом лице, а глаза загадочно сверкнули.

Пришлось нервно кашлянуть. Но кивнула, поздоровалась в ответ.

– Здравствуйте.

– Вся в трудах? – поинтересовался Игнат.

Юле пришлось остановиться рядом с ним.

– Нет. Решила прогуляться до магазина.

– Магазины для женщины – это хорошо. Они делают её добрее.

– Смотря какие магазины и какая женщина, – сказала Юля, а Игнат вдруг улыбнулся шире, и она поняла, что до этого на его губах была дежурная, ничего не значащая улыбка, а вот сейчас он, на самом деле, смеётся.

– Согласен, – кивнул Игнат. Указал на место за столом. – Посидишь со мной? Кофе выпьем.

Вроде бы, ничего страшного и опасного в его предложении не было. Что может быть опасного в чашечке кофе? Но Юля чувствовала любопытный взгляд, направленный в затылок, и понимала, что соглашаться нельзя, иначе к вечеру весь город будет в курсе того, что она сдалась на милость дьявола Игната Кудепова.

– Если честно, мне нужно идти.

– Не против, если я немного провожу? Кофе мне, кажется, более чем достаточно.

Он поднялся из-за стола, и Юля сразу почувствовала себя маленькой и слабой рядом с ним, практически бестелесной. Кстати, совсем недавно, глядя на себя в зеркало, пришла к выводу, что ей не следует больше снимать пробу с мучных блюд, можно даже сесть на какую-нибудь диету и сбросить

пару-тройку лишних килограммов. Глядя на себя, поняла, что прежние платья и деловые костюмы, которые она носила до замужества, и что до сих пор висят в шкафу в квартире родителей, и в которых у неё была точёная фигура, сейчас могут катастрофически на талии не застегнуться. Настолько себя запугала, что начала ощущать себя большой и неповоротливой, даже рядом с мужем, а вот рядом с Игнатом, когда он выпрямился в полный рост, Юля почувствовала себя пушинкой, маленькой и невесомой. Это чувство пришлось по душе, оно пролилось бальзамом на её самолюбие, и, наверное, поэтому Юля и не стала возражать, когда они с Игнатом вместе вышли из кафе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.